

A movie poster featuring a man and a woman in a dramatic, stormy setting. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark turtleneck. The woman, on the right, has long, dark hair and is wearing a light-colored top. They are both looking intensely at each other. The background is a dark, rainy night with a bright lightning bolt striking down between them. The overall mood is romantic and intense.

Мэг Лин

**Противоположности
отталкиваются**

18+

Мэг Лин

Противоположности отталкиваются

<https://litres.ru/73963634>

SelfPub; 2026

Аннотация

В моей жизни никогда и ничего не было нормально. У меня куча проблем с общением и пониманием людей, да и, что уж греха таить, с психикой тоже не лады. Я в чужой стране стараюсь найти гармонию с собой, не потеряв при этом немногих дорогих мне людей.

И мне удавалось балансировать в своем маленьком мире, пока в него не ворвался Он.

Мы совершенно разные: он слишком известен, слишком хорош, слишком идеален. Его внешность притягивает и отталкивает одновременно, создавая ощущение опасности и безопасности одновременно.

Я слишком упрямая, слишком агрессивная, слишком разбитая... Белая ворона и дома, и на чужбине. Меня буквально невозможно терпеть.

Наши миры не соединяются - они воют, искрят, сталкиваются лбами. Перемирие немыслимо, почти невозможно, но... Есть же во всей этой истории то самое "Но".

Мэг Лин

Противоположности отталкиваются

Глава 1

«Америка... Мне просто не верится». В надежде на лучшую жизнь я буквально слетела с трапа огромного самолета и, удивляясь всему как ребенок, впервые увидевший мир, понеслась навстречу новой жизни. Даже люди казались добрее и приветливей, чем на родине: все отвечали на мою наивную улыбку, и я твердо решила, что здесь буду счастлива.

Сейчас, скорее всего, всё было бы так: «Черт возьми. Я в Америке». Оказалось, что это вовсе не волшебная страна исполнения желаний, да и люди здесь самые обыкновенные, немного больше помешаны на деньгах, чем остальной мир, но в целом же все абсолютно идентично.

- Ника, нам пора.

Эмили Джонсон - одноклассница, а по совместительству соседка, стоит в дверях, слегка нахмутив брови, что придает ей несколько комичный вид.

- Я не хочу никуда идти.

- Так, Вероника, будь добра - оторви свою попу от кровати и одевайся, я совершенно не хочу опаздывать из-за тебя.

Тон безукоризненно стог, но глаза, как и всегда, искрятся добротой и смехом. Эмили... Я, честно говоря, даже и не помню как именно и по какой причине мы начали общаться. Единственное, что не поддается сомнению – мне очень повезло с подругой. Во-первых, если бы не она, то я бы и думать забыла про учебу, во-вторых, благодаря ее стараниям мне удастся чем-то питаться три раза в день и, в-третьих, я не знаю, кто бы смог терпеть мой характер так долго и не сойти с ума.

- Кстати - обуваясь на ходу, продолжает диалог подруга, пока я стараюсь за 5 минут привести себя в более ли менее приличный вид – ты зря не пошла вчера на день рождения Одри. Там было весело.

- Да что ты? Так весело, что ты вернулась в 10 вечера. Нет уж, увольте меня от таких развлечений.

- Ну и зря, там и вправду было весело. А вернулась я рано, потому что захотела спать, вот и все.

- Вот и я о том же. Что это за вечеринка, на которой хочется спать?

Я беру сумку и иду к выходу, как вдруг понимаю, что соседка моя стоит и осуждающе, в стиле строгой мамы, смотрит на меня.

- Что опять не так?

- Вероника, мы вообще-то в университет идем, а не на тренировку, спортивные штаны немного неуместны, тебе не кажется?

Я закатываю глаза и начинаю раздражаться. Ей никогда не нравится моя манера одеваться. Ну что такого в том, что девушка не носит платья, юбки, туфли на огромной шпильке и всю ту ерунду, которая якобы должна выделить во мне женщину. Конечно на фоне Мили, которая, как всегда, подчеркнула достоинства своей фигуры модным платьем, уложила темно-русые волосы в идеальный пучок, да и вообще выглядела так, будто сошла с обложки модного журнала, я смотрюсь неуклюжим подростком в спортивных штанах, но меня это мало заботит.

- Перебесишься.

- Неужели трудно, хотя бы один раз надеть что-нибудь классическое, официальное? С тех пор как вы с Алексом расстались, в одних спортивках и ходишь. Ой...

Атмосфера в комнате резко накалилась. Ненавижу, когда суют нос в мои дела, ненавижу, когда учат, как поступать, ненавижу, когда напоминают этого ублюдка. Мы стоим в полнейшем безмолвии целых 5 минут. Мили держится решительно, но, в конце концов, не выдерживает.

- Господи, Ника, надень хотя бы джинсы, вместо треников, очень тебя прошу.

Я молча разворачиваюсь и демонстративно, даже не взглянув в её сторону, иду... переодеваться.

В машине очень жарко, да к тому же на дороге образовалась громадная пробка - кто-то не справился с управлением, соответственно авария, и как всегда в самом неудобном ме-

сте, объехать которое просто невозможно. Эмили много и весело щебечет на самые различные темы, стараясь сгладить утреннюю перепалку, и совершенно не замечает того, что я даже не слушаю ее болтовню. Удивительная способность говорить в пустоту, которой порой мне так не хватает. Но я делаю вид, что понимаю о чем она, на самом деле, слушая в пол-уха, и наслаждаюсь видами Сан-Франциско. Бесподобное место. Самый любимый город в этой стране: здесь не так шумно, как, допустим, в Нью-Йорке, да и островков живой природы гораздо больше, что для меня очень важно, можно сказать жизненно необходимо. В России, откуда я, приехала, в родном городе, буквально повсюду парки, клумбы, палисадники. А летом, после грозы, когда тучи еще не ушли и моросит мелкий дождик на улице находится райское наслаждение. Людей почти нет: все спрятались от капризов природы, воздух наполнен неповторимым ароматом свежести и благоуханием цветов. И ты стоишь под еле-еле морозящим дождем и наслаждаешься ощущением свободы и легкости, как будто гроза унесла и смыла все проблемы, и ты такой же обновленный и счастливый, как только что принявшие душ, деревья. Ни разу, с тех пор как приехала, я не испытывала этого упоительного чувства. Однако вид и вправду потрясающий, с этим не поспоришь.

Между тем, пробка постепенно начала двигаться вперед и через 15 минут паркуем свой старенький Форд около Университета штата Сан-Франциско. Мы обе обучаемся на от-

делении бизнес-администрирования, так как, как сказал бы мой папа, в жизни это ой как пригодится.

- Ника, если нам повезет, и профессор Гаррисон договориться о краткой беседе с Коулом Дэвисом, мне нужно, чтобы сегодня ты как можно лучше его сняла, чтобы не пришлось исправлять видеоряд. У нас будет всего пять минут, другой возможности больше не представится.

Я закатываю глаза.

- Хорошо. Буду очень стараться.

Эмили уже не первый год пытается воплотить в жизнь свой социальный проект «Семья - самый важный фактор в достижении успеха». Избитая, казалось бы, тема. Но Мили доказывает, что успешный человек не может быть одинок. Мамы, папы, братья, сестры, жены, дети всегда влияют на твоё продвижение по карьерной лестнице. А дальше уж кому как повезет: либо поддерживают, направляют и помогают, либо ты делаешь все, чтобы доказать им, что и без них справишься и никто тебе не нужен. Но факт остается фактом - твоя семья тебя же и подстегивает к вершине. Она берет короткое интервью у знаменитых, в своей области, людей, записывает его и монтирует в один общий короткометражный фильм. Естественно дорогая подружка и меня во всё это втягивает, чтобы, по её словам, «научить общаться с людьми».

Здесь стоит заметить, что человек я замкнутый, причем настолько, что из всего множество учащихся, знаю и здороваюсь с десятью, а тесно общаюсь с двумя: Эмили и Роем.

Поэтому можно представить, какое «удовольствие» мне доставляют встречи с совершенно незнакомыми людьми, от которых, порой, веет таким высокомерием, что кулаки чешутся в лицо залепить. Но я всё равно хожу на все мероприятия, планируемые Эмили, потому что ей, во-первых, необходим хороший видео материал, а это одно из моих немногочисленных увлечений, а, во-вторых, её, бывает, принимают не слишком радушно. Тогда я, как верная подруга, стараюсь приободрить и поддержать. Бывало в нашей практике и такое, что её доводили до слёз замечаниями по поводу внешности, не слишком дорогой одежды или умения строить диалог. Богатые люди, какими бы благовоспитанными они не были, редко упускают возможность высмеять человека ниже по положению. А все их благородство, умение поставить себя на место другого, принцип «все люди равны» - бабушкины сказки и не более. В большинстве своем это напыщенные, высокомерные представители рода человеческого, которые от чего-то уверены в своей великолепии. Даже их хваленая благотворительность всего лишь средство не потерять собственные денежки, а не способ помочь другим. Нет, они конечно о ком-то заботятся, но, как правило, это ужасного вида карликовые собачки. И вот такие, заработавшие свое состояние за счет мамы с папой, представители «лучшей» половины человечества отпускают едкие шуточки и якобы умные замечания в нашу сторону, стараясь в очередной раз выпендриться перед друзьями. Удивительно, насколько яз-

вительными бывают те, у которых, казалось бы, всё есть. Однако Эмили, не смотря ни на что, продолжает заниматься любимым делом, стремиться к поставленной цели, преодолевая все трудности. Меня в ней это восхищает - сила воли что надо.

Невероятно важная съемка в два часа, а перед ней еще занятия, которые надо как-то пережить. В этом мне неизменно помогает музыка. Скучнейшие лекции об индексах, известных экономистах, никому ненужных исчислениях тонут в хоре голосов самых разнообразных исполнителей.

Как всегда, с опозданием в 40 минут появляется Рой. Темные очки на глазах, ворот куртки поднят - ночь была бурная.

- Можно войти?

- Мистер Блейк, в ваших лучших традициях?

- Я от своих привычек не отступаю.

- Очень жаль, мистер Блейк. Во время сессии ваши принципы и проверим. Заходите.

Он плюхается возле меня. Алкоголем разит за версту.

- Ну, что новенького?- снимает очки, и я фыркаю. Глаза красные и, на мой взгляд, до сих пор пьяные, на щеке след от губной помады. Он достает и отключает телефон. Все понятно. Очередная бедняжка попала на его невероятное обаяние, а теперь пытается вернуть жеребчика в стойло. Ни разу на моей памяти он никому не перезвонил.

- Ничего. Щеку вытри, а то свидетельство твоих ночных приключений уже начало вызывать повышенный интерес.

Несколько человек при этих словах резко отвернулись и усиленно стали слушать заумные измышления профессора Вуда.

- Правда? А как же наша заучка сходила на вечеринку? Всё, как я и предсказывал? - неодобрительно качает головой.

- Неа. Продержалась аж до десяти часов!

Вид у Роя такой помятый и удивленный одновременно, что совершенно невозможно сдержать смех. Эмили, услышав хихиканье, резко обернулась и вновь недовольно прищурилась, осуждающе, даже строго, разглядывая парня. Тот же в свою очередь, оставаясь по-прежнему во власти алкогольных паров, начал со всей серьезностью копировать манеру Мили выказывать свое неодобрение.

Громкий хохот разорвал тишину в аудитории и все с недоумением и некоторым удивлением воззрились на меня и горе-пародиста. Я же, не в силах даже слова вымолвить продолжаю неудержимо смеяться, не обращая внимания ни на недовольство профессора, ни на строгий взгляд Эмили.

- Мисс Третьякова, может, вы и нам расскажете, что вас так рассмешило?

Рой, все еще смеясь, закрывает рот ладонью, от чего его красные глаза кажутся еще больше. Меня же при одном взгляде на этого гуляку, одолел очередной приступ хохота, что вызвало новую волну неудовольствия и без того раздраженного профессора Вуда.

- Мисс Третьякова, я жду.

- Извините - отвечаю, немного придя в себя - больше этого не повториться.

- Почему-то верить с трудом - скептически парировал профессор.

- Итак, продолжим...

Внимание студентов медленно, но верно возвращалось к теме занятия, а потому можно было без помех продолжить беседу, которую мы начали ранее.

- Ты где гулял вчера? Такое ощущение, что тебя пытали всю ночь напролет.

Рой роется в хламе, который зовется его сумкой и каким-то чудом выуживает оттуда глазные капли и жвачку. Такому запасу самых различных медикаментов может любая аптека позавидовать. Там есть все, начиная с аспирина и заканчивая мазью от ушибов.

- О, это чума, а не клуб, Ники, сходим как-нибудь. Ну как я?

Глаза немного побелели, но все равно видно, что алкоголя в него вчера залили немало.

- Немного лучше. Я прямо-таки заинтригована. Как называется?

- А вот не скажу, помучаю тебя немного - лукаво усмехается Рой. Потом легким кивком курчавой головы указывает на наушники, - Какой репертуар?

- Эмма Шаплин.

- Ого, дай послушать.

И вот, мы сидим и внимаем тому, как певица разливается своим прекрасным сопрано. Рой закрыл глаза, уснул, скорее всего, еще бы, всю ночь тусоваться. Я качаю головой и улыбаюсь: но как, как можно быть таким легкомысленным?

Мы познакомились с Блейком на первом курсе. Русская девочка поступила в американский университет. Не то чтобы это было в новинку, но и обычным событием не назовешь. О том, что я приеду было сказано студентам заранее, а посему переступив порог аудитории, я немного опешила, будто попала на безумно важную конференцию, и весь университет вдруг обязательно решил на ней присутствовать. Чувствуешь себя музейным экспонатом на выставке. Осмотр начинается с одежды, потом смотрят на лицо (в зависимости от степени оценки, либо фыркают, либо одобрительно кивают головой), а заканчивается все фигурой. Меня не одобрил почти никто. В какой-то степени я сама виновата, в новой компании обычно смотрю на всех враждебно и с опаской, пережиток тяжелого детства... Я не первая красавица, но и уродкой тоже не назовешь, обычная внешность: овальное лицо, темно-зеленые глаза, нос прямой, чуть курносит. Единственное, что в моей внешности нестандартного - густые, темно-русые волосы, длинные до пояса. Одета тоже довольно просто - футболка белая, без надписей, джинсы и найки. Люблю хорошие кроссовки и всегда, независимо от стоимости, покупаю качественные. Это, обычно, самые дорогие вещи в скромном гардеробе.

Поприветствовали меня довольно сухо, с фразами типа «что ей у себя не сидится», но, в силу моей замкнутости, задели, в общем-то, несущественно. Я неплохо переношу враждебность окружающих, с детства к ней привыкла. Рой один из немногих, кто воспринял меня адекватно, осмелюсь сказать дружелюбно. Он подошел после занятий. «Рой Блейк, рад познакомиться. Чем занята сегодня?» Вот так просто и незамысловато. При чем, как сейчас помню, он не пытался даже кадрить меня, подошел и спросил, без всяких задних мыслей. Я пыталась что-то придумать, чтобы не дай Бог никуда не пойти с малознакомым человеком, но почему-то на тот момент мне это не удалось. Рой в два счета пресек все попытки к сопротивлению, и вынудил согласиться пойти на какую-то студенческую вечеринку. После он так мило улыбался, что я сама не смогла сдержаться и тоже улыбнулась.

- Какой у тебя говор интересный. Даже забавный.

- Думаю, не уверена, конечно, но всё же думаю, это из-за того, что я не американка.

Он улыбнулся еще шире. Ну прямо-таки мальчик с обложки: карие глаза, смуглая, медового оттенка кожа, красивые, узкие губы, и кучерявые, вечно взъерошенные волосы.

- Язвить изволите?

- Нет, констатирую факт.

Рой усмехается в ответ и, продолжая улыбаться говорит: «Заеду в 8, где живешь?». Вот так быстро и завязалась наша дружба. Поначалу, естественно, думали, что может что-

то получится, но после первого же свидания от этой идеи отказались. Он очень хороший друг, и не раз, за время моего пребывания здесь, помогал выбраться из сложных ситуаций. А я, не единожды, спасала от многочисленных воздыхательниц. Их прямо-таки пруд пруди, каждый день новая. Я же говорю, легкомысленный.

Час следует за часом. Одна аудитория сменяется другой. Рой пробуждается только для переходов по коридору, Эмили уже успела вставить мне нагоняй. Нет, ну мамочка, честное слово. На последней паре входит ректор, я толкаю спящую красавицу в бок, он неохотно разлепляет веки и молниеносно подсказывает.

- Итак, господа студенты, хочу напомнить вам, что сегодня, и последующие два месяца, у нас будет вести семинары известный бизнесмен и филантроп Коул Дэвис. Он человек занятой, а потому, убедительно прошу не прогуливать, так как тратить время на никому ненужные занятия он не будет, не опаздывать - смотрит на Роя - и не докучать ему глупыми вопросами - смотрит на Аннет, самую болтливую девушку из всех, когда-либо мне известных.

- Так же, на семинарах иногда будет присутствовать Доминик Дэвис, его брат. Его-то, я думаю, многие из вас знают.

Среди девушек прошел возбужденный шепоток. Доминик Дэвис - звезда мировой величины, чуть ли не первый красавец Голливуда. Фильмы с его участием пользуются оглушительным успехом и собирают в прокате баснословные сум-

мы. Эмили не раз пыталась показать мне одну из его картин, но не удавалось, так как я очень редко смотрю кино и в основном то, которое не имеет никакого отношения к мировым секс-символам. Пустая трата времени, два часа глазеть на красивого мужчину, чтобы потом восхищаться им на расстоянии и отслеживать личную жизнь. Всегда была далека от этого.

- Как вам известно, Доминик совладелец кампании брата, а потому согласился вместе с ним провести некоторые из занятий. Мисс Джонсон?

Эмили чуть не подпрыгнула.

- Да?

- Мистер Дэвис, Коул Дэвис, согласен дать вам интервью, но очень быстро, я надеюсь, вы успеете. Мистер Доминик Дэвис подчеркнул дважды, что не будет отвечать на вопросы, искренне надеюсь, что вы станете ему докучать.

- Хорошо, сер, я все поняла.

Ну вот, она уже начала волноваться, а значит, следующие два часа нам придется терпеть нервную болтовню Эмили. Рой как будто прочитал мои мысли.

- Я не выдержу. «Ой, Ника, у нас всё готово? А я хорошо выгляжу? Рой, ну не нервируй меня, я итак волнуюсь. Как я выгляжу? Может волосы распустить, может юбку опустить?». Тьфу ты.

Так похоже на нашу репортершу, что я чуть опять не засмеялась.

- Мили это очень важно, нам остается только терпеть и подчиняться.

Смело встречаю его скептический взгляд и саркастическую улыбку.

- Ну конечно – ухмыляется Рой, иронично приподняв бровь.

- И что за Мили? Эмили сокращенно Эми вроде?

Уже не раз мы дискутируем по этому поводу. Рой неустанно твердит, что так людей нельзя называть, это оскорбление, похоже на кошачью кличку, а я постоянно отпираюсь, отвечаю, что это мое дело, главное, чтоб Эмили нравилось.

- Не приставай, я из России, как хочу, так и коверкаю.

- Будем считать отмазалась - снисходительно смотрит на меня. Вот ведь засранец с раздутым эго.

Я хотела было ответить что покрепче, но сдержалась, вовремя вспомнила, что вокруг нас 30 человек и многие, признаться, внимательно прислушиваются. Ректор выходит, и всех наконец-то отпускают на обед. Эмили бежит с другого конца аудитории взволнованная и счастливая, её голубые глаза светятся радостью, а вот мне это ничего хорошего не предвещает.

- Ник, может сбегать переодеться? Ты камеру взяла? - и еще сто слов в минуту. Я плетусь за ней в кафе, а Рой, воспользовавшись моментом, куда-то испарился. «Предатель - думаю я - мы еще рассчитаемся». Народу, как никогда, не протолкнуться, чтобы поесть надо минут 30 в очереди про-

торчать, но выбор небогатый, потому послушно стою и слушаю воодушевлённую болтовню Мили. Я люблю её, честно, но в такие моменты мне не хватает способности отключать слух, ну или её голос.

Становится слишком тесно. Ох, плохо это закончится, слишком много народа, слишком близко ко мне прижимаются. Сжимаю до боли кулаки. Нет, только не это, терпи, терпи. Не помогает. Знакомое чувство страха уже запустило в меня щупальца и все больше привлекает в свои объятия. Эмили, весело болтая с кем-то, повернулась, чтобы что-то спросить. Секунда и она все понимает, берет под руку и ведет к выходу, но людей очень много, продвигаемся со скоростью черепахи. Мне становится хуже. Я тяжело дышу, покраснелась, не совсем понимаю, что в данный момент Эмили говорит, страх буквально окутывает меня со всех сторон, не могу пошевелиться.

- Ника, Ника, ты слышишь? - Мили в панике - Господи!

Все начинают оборачиваться на нас.

- Рой! Слава Богу! - кричит она где-то вдалеке.

Сквозь пелену перед глазами замечаю кучерявую голову, чувствую, что меня тянут за собой, выводят из толпы. Всё вокруг плывет, иду по инерции, не замечая ничего вокруг. Наконец, минуто спустя, я на воздухе, кругом блаженная пустота. Очень медленно ум проясняется, сознание помаленьку возвращается, сердце останавливает бешеный ритм, кровь отливает от лица. Вижу перед собой перепуганного Роя, он

не на шутку разволновался.

- Эй, старушка, лучше?

- Да, спасибо.

Я всё еще тяжело дышу, кружится голова. Сажусь прямо на бордюр и опускаю голову.

- Зачем ты пошла туда? - слышу в голосе злость.

- Разве я похожа на экстрасенса? Обычно ведь в это кафе никто не ходит. А потом Эмили одну неудобно было оставлять, она такая радостная. Думала, справлюсь.

Рой стискивает кулаки, по всему видно, в очередной раз жди нагоняя.

- Не думала ты вообще. В последний раз, когда толпа окружила, ты в обморок упала. Справится она.

Я поморщилась, вспомнив инцидент годовалой давности. В университете был выпуск и на прощальную церемонию согнали чуть ли ни всех учащихся, так как приехал важный дяденька, чьи деньги помогают существовать вузу, спонсор, в общем. Поток студентов захлестнул меня с собой: уйти не могу, шаг в сторону не дают сделать, толкаются и зажимают. Началось все как сейчас, потом затрясло, и я шлёпнулась в обморок.

- Всё, хватит нотации читать, я не маленькая девочка - начинаю раздражаться, не хватало еще выслушивать от полуночного гуляки. Мотаю головой, что это я, ведь он прав. Однако, продолжаю насупившись сидеть. Что тут скажешь, женщины существа непредсказуемые.

- Это спорное утверждение.

Он явно злится, но, взглянув в мою сторону, благоразумно решает отступить.

- Не надо на меня исподлобья коситься, Ник, я волновался за тебя.

Я раздражаюсь еще больше, не выношу жалости и сочувствия. Закрываю лицо руками, непролитые слезы душат меня, не дают вздохнуть. Нет, это никогда не закончится. Эти мои приступы, боязнь большого количества народа, вообще боязнь людей, а значит, не закончатся косые взгляды, внезапные приступы заботы, желание друзей выведать, что со мной происходит. Почему так? Почему я с легкостью переношу враждебность, но, буквально, теряюсь от доброты?

- Спасибо, Рой, правда.

- Звучит как «отвали, приятель» - он идет на попятную - я не утешаю тебя, старушка, объясняю, почему разозлился вот и все.

Эго эгом, а связываться не хочет.

Мы сидим на асфальте и молчим. Он задумался о чем-то, я же не имею никакого желания разговаривать и что-либо обсуждать, хватит на сегодня сочувствия.

- Тебе нельзя идти с Эм. В таком состоянии ты ударишь кого-нибудь - неожиданно говорит Рой. Он смотрит на меня серьезно, брови нахмурены, губы сжаты в узкую полоску. Переживает, и не зря, если честно. В последнее время кулаки у меня чешутся постоянно. То Эмили парень проходу не да-

вал, она перепугалась до смерти, меня с ним еле растащили, то девчонку высмеивали, за манеру одеваться, видите ли, на оборванку она похожа, преподаватели вовремя подоспели.

- Я пойду. Обещала же и видео нужно.

Рой неодобрительно качает головой

- Постараюсь вести себя хорошо.

- Даже если что-то пойдет не так? - смотрит недоверчиво, слишком хорошо он меня знает. Я ободряюще улыбаюсь ему.

- Даже в этом случае, честное слово, очень постараюсь.

Эмили летит к нам на всех парусах. Хорошо хоть еду купила, подкрепиться сейчас было бы совсем не лишним.

- Ника, ты в порядке? Прости, сглупила, потащила туда, из головы вылетело, все из-за интервью.

Моя дорогая, обеспокоенная Эмили. Темные волосы растрепались и выбились из идеального пучка, голубые глаза смотрят оценивающе, словно она пытается определить причиненный ущерб. Мне так хочется потрепать ее за щеки, успокоить.

- Все хорошо, Мили - ободряюще ей улыбаюсь - рыцарь успел вовремя. Рой фыркнул у меня за спиной.

Она облегченно вздохнула, секундная пауза, и начинается взволнованное щебетание. Рой картинно закатывает глаза, кивает головой в сторону университета. Эмили тащит меня за столик поесть. Говорит, говорит, говорит. Я медленно прихожу в свое обычное состояние - спокойствие и некоторая отрешенность, улыбаюсь своей соседке и делаю вид, что

слушаю. Скоро на семинар, а значит надо готовиться к очередной скучной болтовне богатенько сноба.

Глава 2

Я прихожу в аудиторию в числе последних, а потому все вакантные места сзади заняты. Ищу глазами Роя, он безнадежно зажат в дальнем углу между девицами, осаждающими его вопросами и вызывающими взглядами, в борьбе за внимание. Улыбаюсь про себя, выглядит как настоящий мачо. Заметив меня, разводит руками, мол, надо было поторопиться. Приходится садиться впереди, с Эмили, на самом виду. С лицом, выражающим крайнее недовольство, плюхаюсь на свободное место: даже музыку не послушаешь. Хотя людей много, может, будет и не так заметно. Эм устроила меня с краю, чтобы никто, кроме нее рядом не сидел. Предусмотрительная моя подруга. Спасибо ей за это, хотя бы чувствовать себя буду более ли менее комфортно.

Гул в аудитории не прекращается, все обсуждают последнюю новость: сам Доминик, или красавчик Дом, как величает его девушки сзади, приехал в наш университет. Я не могу сдержать улыбку, слушая их разговоры, о возможности сфотографироваться с ним после или взять автограф: «А вдруг я ему так понравлюсь, что он позовет меня на свидание». Ну, это уже глупо даже для них. Дай Бог не пошлет куда подальше, после того как каждая начнет просить «с вами сфотографироваться».

Наконец голоса смолкают. Входит профессор Гаррисон, наш ректор, и, буквально распирая от гордости, произносит: «Дорогие студенты, представляю вам гостей университета, главу корпорации «Ди Кей» Коула Девиса и его брата, а также совладельца фирмы, Доминика Дэвиса».

Тишину разрывают аплодисменты. Я же по-прежнему сижу, не шевелясь. Не церемония «Оскар», чтобы в ладоши хлопать, неуместно как-то. Двое мужчин проходят в центр нашей импровизированной сцены. Коул Дэвис, безусловно, мужчина видный. Костюм хорошо сидит на мускулистом теле, серый цвет выгодно оттеняет загар. Волосы черные коротко стрижены и идеально уложены. Смотреть на него одно удовольствие, веет уверенностью и силой. Его брата мне не видно. Девушки ахают и охают. Ну еще бы, им всего по 20 - 21, а некоторым и того меньше, а тут такой мужчина. Я оглядываюсь: что-то не так, большинство смотрят на того, кто рядом с Коулом. Вон оно как, наш суперзвезда затмил брата. И, о чудо, мне интересно на него посмотреть. То есть, конечно, я видела его раньше, но, честно говоря, не помню, как выглядит.

- Здравствуйте - начинает Коул - я рад, что вы пришли послушать скучные речи богатого человека.

Ого, шутит. Что ж тактика правильная, привлечь внимание аудитории - прежде всего. Впрочем, ему наверняка не в первой.

- В бизнесе я и мой брат очень давно, и, вопреки сплет-

ням, мы не наследники целого состояния, мы поднимались с низов.

Я усмехаюсь, с низов, смотря что для вас низы. Лезу в карман за плеером и тут чувствую что-то неладное. Поднимаю голову - 155 человек, включая блестящего оратора, смотрят на меня. Черт, неужели я так громко это сделала?

- Вы находите это смешным? - карие глаза смотрят пронизывающе, улыбка, самоуверенная улыбка, направлена в мою сторону. Брата я по-прежнему не вижу.

- Нет - сама себе поражаюсь, голос звучит спокойно. Вот она защитная реакция - смотрю прямо в глаза, кулаки сжаты, подбородок приподнят.

- А чему же вы так громко усмехаетесь, мисс? - голос звучит сдержанно, но видно, моя реакция для него непривычна.

- Я не думаю, что это заслуживает такого внимания с вашей стороны.

Мили смотрит на меня с нескрываемым ужасом, и не она одна. Коул ухмыляется, смотрит мне в глаза изучающе. Повисла неловкая пауза. И тут, наконец-то, из-за спины мистера Дэвиса выступает его брат. Красавчик слишком слабое определение для такого человека. Черные волосы, карие, скорее даже темно-карие глаза, решительный подбородок, высокие скулы. Как и брат держится самоуверенно и властно, весь его облик излучает силу, грубую мужскую силу и ледяное спокойствие. Ростом они с Коулом примерно го одного, оба высокие и плечистые, но Доминик выглядит

вдвое мощнее. Честно говоря, редко встретишь человека с таким крепким и подтянутым телосложением. Он немного напоминает дикаря из легенд из-за небольшого шрама на верхней губе и насмешливого, ледяного взгляда, но в то же время прямо-таки гипнотизирует редкой, завораживающей красотой. Нет, Доминик не похож на типичного мальчика с обложки, в нем нет ни капли слащавости. Он скорее олицетворяет собой истинно мужскую притягательность. Одет просто: черная водолазка, выгодно подчеркивающая мускулистый торс, джинсы и черные кеды. По всему видно, подходил к этому мероприятию со всей «серьезностью». Взгляд несколько удивленный, но в то же время скучающий. Он не красавчик, он красавец, породистый красавец.

- Что ж мисс...- повисла неловкая пауза. Коул ждет, что имя назову, я молчу.

-Мисс Ухмылка - в зале начинают хихикать - вы правы, не заслуживает. Он отворачивается, оставляя меня в покое и продолжает:

- Так вот, пока меня не перебили (еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть), я говорил, что мы тоже не избалованные дети богатых родителей.

Облегченно вздыхаю, достаю плеер... Нет, что не так, кто-то еще смотрит. Опять поднимаю голову и ловлю на себе взгляд Доминика Дэвиса. Мне стало нечем дышать, ладони вспотели, и даже немного закружилась голова. Это очень странно, ведь никогда раньше чей-то взгляд не вызывал у

меня такой реакции, да я и не верила, что такое вообще возможно. Он замечает наушники, и, готова поклясться, вот-вот улыбнется. Но еще секунда и переводит взгляд на кого-то другого. Все игрушка уже неинтересная, пора бы и честь знать.

Первый час лекции о бизнесе проходит под песни из мюзикла «Собор парижской богородицы». Я стараюсь не слушать речи Дэвиса, неинтересно. Честно говоря, экономика, бизнес - это не мое. Да я соображаю во всех этих бесконечных схемах и цифрах, но будущее свое с ними связывать не хочу. А чего хочу? Ничего. Пока ничего. Учусь, мне удобно, особо не заморачиваюсь. Работаю в ночном клубе посменно, с этим мне папин друг помог. Деньги есть, друзья есть... Проблемы тоже есть, куда без них, но сейчас у меня всё стабильно, от этого комфортно и спокойно. Слышу звонок на перерыв, встаю. Опять что-то не так. Все сидят, я одна встала. Мили тянет меня за рукав.

- Ник, мы без перерыва, он итак раньше уйдет на совещание. Садись быстро!

А я не могу сесть, ведь весь наш дружный коллектив вновь устремил на меня свой молчаливый взор.

- Мисс Ухмылка (хихикают), вы что-то хотели сказать? - Коул с нескрываемым раздражением повернулся в мою сторону. Его брат, со скупающим видом уселся сзади на стул и взирает на эту сцену, очевидно, с целью хоть как-то развлечься. Снова потеют ладони. Я беру в кулак всё свое само-

обладание.

- Да. Мне нужно выйти.

- У вас кончился плейлист? - ровный, бархатный тембр звучит оттуда, где сидит Доминик. Карие глаза смотрят насмешливо. Внимание, подтрунивание - очень плохое сочетание. Медленно, очень медленно гнев разгорается внутри меня.

- Да. Вы хотите мне свой предложить?

Мы тоже наблюдать умеем, господин голливудская звезда. Я в ужасе сама от себя, но остановиться уже не в состоянии. Однако, он даже бровью не повел на мою не слишком почтительную реплику, только спокойно и грациозно поднял руку и вынул из уха свой наушник, как будто нет ничего естественнее в том, чем слушать музыку, когда выступаешь перед публикой. Ну и покрасовалась, ну и сказала, что собственно толку? Доминик молчит, хотя прекрасно понимает, что ответить что-то необходимо, иначе пауза затянется надолго. Но он продолжает буравить меня спокойным холодным взглядом, от которого хочется бежать, прыгнуть в окно, сквозь землю провалиться. Так проходит минуты две. Я по-прежнему стою, на ватных ногах, он по-прежнему сидит с непроницаемым лицом. В конце концов, ректор не выдерживает и решительным шагом направляется в мою сторону. Ну вот, сейчас выскажет.

- Мисс Третьякова, я попрошу вас ненадолго покинуть аудиторию, мне надо с вами переговорить.

Пока я вожусь, пытаюсь вылезти через всю эту ухмылающе-осуждающую толпу, он останавливается возле Дэвисов и заискивающе говорит.

- Прошу прощения, мисс Третьякова бывает несдержанной.

- Всё в порядке - Коул говорит мягко - с кем не бывает.

Доминик спокоен и неподвижен. Интересно, что-нибудь может вывести его из себя, ну или хотя бы немного разозлить? Даже не ответил ничего, вот гад. Я гневно шествую мимо них, не поднимая головы.

- Мисс Третьякова - окликает меня бархатный тембр у самой двери - сдержанность - одно из наиболее важных качеств в любой девушке.

Выхожу, не поворачивая головы. Вот осел! Ректор хватается за руку и ведет подальше от кабинета, не желая, видимо, читать мне нравоучение у всех на слуху.

- Вероника Олеговна Третьякова, вы что себе позволяете? Вы хоть представляете, с кем вы разговариваете? - аж слюной брызжет от волнения.

А что я такого сделала, я положительно не понимаю? Я его оскорбила? Нет. Ответила любезностью на любезность, чего раздувать-то.

- Не вижу ничего страшного, профессор Гаррисон.

От удивления у него чуть глаза из орбит не выскочили. Мало того в аудитории его доводила и вот сейчас.

- Вы зайдете и извинитесь, мисс Третьякова, и, поверьте,

если нет, последствия будут печальными.

Пришел мой черед удивляться.

- Вы выгоните меня только из-за того, что я поспорила с каким-то раздутым от важности бизнесменом?

Он смотрит на меня поверх очков. Все еще напряжен, но первоначального пылу заметно поубавилось. В принципе можно понять человека, столько времени добиваться приезда Коула в наш ВУЗ поделиться опытом, а тут какая-то мисс Третьякова демонстрирует свой характер.

- Нет, я вас не выгоню, как вы изволите выражаться, но наказание гарантирую - он тяжело вздыхает - Вероника, вы не хуже меня знаете, что жалобы на вас поступают с завидной регулярностью как от коллег по группе, так и от преподавателей. Нельзя меряться силами со всеми, кто сказал что-то, на ваш взгляд, обидное. Вам 23 года, пора бы взрослеть.

Я понимаю, что он прав, прав по всем пунктам. Удивительно, что до сих пор ни разу не грозился меня наказать, ведь Третьякова и драка это почти что синонимы. Помнится, я как-то набросилась на преподавателя прямо в аудитории, за то, что тот, как мне на тот момент показалось, хотел оскорбить. Оказалось, всё, что он говорил, меня даже не касалось. Тогда инцидент замяли, но на этот раз профессор настроен более, чем решительно. Надо уступить. Не думаю, что мама обрадуется досрочному возвращению без диплома, без денег, без возможности дальнейшего образования.

- Вы правы - ректор недоверчиво смотрит на меня - стоит

извиниться.

- Вот и хорошо, мисс Третьякова. Пройдемте назад, вы все самое интересное пропустите.

Волнение... И чем ближе к кабинету, тем сильнее это чувство. Я даже представить боюсь, как будут смотреть оба брата, а вместе с ними и вся аудитория. Хотя на самом деле, если копнуть глубже, больше опаски вызывает взгляд всего одной пары карих глаз.

- Вероника, будьте любезны, не устраивать сцен, даже если вам что-то не понравится. Университету очень важно внимание таких людей, как Дэвисы. Они наши потенциальные спонсоры.

- Хорошо, я постараюсь.

Мы заходим и профессор Гаррисон, как в детском садике, сообщает, что Вероника хотела бы что-то сказать.

- Я весь во внимании - Коул самодовольно улыбается.

Какая-то публичная порка получается. Перевожу взгляд на Доминика и застываю. Улыбается. Нагло, с явным высокомерием, глаза смотрят насмешливо, с долей... Презрения? Ах ты... Беру себя в руки.

- Прошу меня простить, я вела себя немного несдержанно.

Смотрю в светящиеся от любопытства и смеха глаза Коула, он явно одобряет весь этот спектакль.

- Хорошо, мисс, извинения принимаются.

Господи, да когда же это кончится.

- Садитесь на свое место, окажите нам честь.

Издевается. Просто шикарно. Блеск. День задался с самого утра.

Шествую, с покаянной головой, на место рядом с бурлящей от беспокойства Эмили, но судьба, видимо, выбрала этот день для своего развлечения. Мягкий голос Доминика останавливает на полпути.

- Простите, Вероника, уж очень мне любопытно, откуда вдруг такая сознательность?

Затылком буквально ощущаю тревогу Роя. Поднимаю на него глаза - так и есть, он переживает не на шутку. Беззвучно дает мне знак молчать, киваю, иду дальше.

- Ну, мисс, будьте любезны, удовлетворите мое любопытство - слышу нотки смеха.

Насмехается. Какой-то вшивый высокомерный актеришка надо мной смеется, нашел себе развлечение. Ну все, хотел ответа - всегда рада услужить. Я поворачиваюсь, смотрю в холодные черные глаза, изображая самую милую улыбку, на которую способна.

- Потому, что попросили. Вас это устроит или, может, попроще объяснить? - стою и дальше мило улыбаюсь, а у самой уже кулаки наготове.

Веселое настроение Доминика испарилось в секунду: он напрягся и слегка подался вперед, глаза угрожающе смотрят на мою скромную персону, давая понять, что пределы допустимого я точно перешла. Ух ты, разозлился! Надо же, у него есть какие-то человеческие эмоции. Однако, Коул, которому

весь этот спектакль уже порядком надоел, решил вмешаться.

- Вполне устроит, спасибо. Сядьте мисс, мы очень далеко ушли от темы, я приехал семинар вести, а не пикировки ваши наблюдать - раздраженно заканчивает он.

Я гордо поворачиваюсь и иду на место, каждой клеточкой тела ощущая злобный, пронизывающий взгляд. Достая плеер, смотрю на Дэвиса младшего и демонстративно поднимаю наушник вверх, мол, ваше здоровье мистер звезда, и преспокойно слушаю музыку. Он в бешенстве, прямо-таки весь кипит. Однако, надо отдать честь удивительному самообладанию, держится молодцом. Не дай Бог встретить его в этом состоянии где-нибудь на улице, беды не миновать. «Господи, до чего он хорош, когда злится. Невероятно сексуальный».

Мысль пролетела у меня в голове со скоростью света. Я даже осознать толком не смогла. Совсем сбрендила. Только что чуть ли не убить была готова, а теперь на тебе: сижу и слюни пускаю, как последняя идиотка. Но, вопреки своему же рассудку, поднимаю на него глаза. Из-за музыки не могу разобрать, что именно Доминик начал рассказывать, но тема эта его как будто волнует. Он активно жестикулирует руками и тихонько прохаживается взад-вперед. Красив, безусловно, просто обворожителен. При каждом движении видно как бугрятся под водолазкой мышцы, впечатляя своей мощью. Иногда он почти улыбается и безупречное лицо становится мягче, как бы давая понять, что он всего лишь человек. Однако эмоции почему-то не затрагивают глаз: взгляд

равнодушен и холоден. А руки, Господи, как бы мне хотелось ощутить их у себя на коже... «Третьякова, ты сумасшедшая! Выкинь этот бред из своей головы! Когда в последний раз ты вот так же думала, месяц после в постели провалялась».

Вот она, отрезвляющая реальность. Нельзя себе позволять снова кем-нибудь увлечься, это плохо кончится, очень плохо. Я сглатываю подступающий к горлу комок, одно упоминание об отношениях с Алексом вызывают к жизни ту боль, невыносимую, всепоглощающую, не дающую даже вздохнуть... Думай о недостатках, думай о недостатках и все пройдет. «Высокомерный, самолюбивый богатенький мужичонка, привыкший к тому, что женщины так и падают к его ногам». Помогает. Слава Богу, помогает. «Суперзвезда с раздутым эго, посмеяться он захотел, ха! Не на ту нарвался».

- Ник, ты в порядке? - голос Эмили возвращает меня к реальности.

- Все хорошо, музыку заслушалась - я ободряюще ей улыбаюсь - они закончили? Киваю в сторону братьев, которые о чем-то разговаривают с ректором.

- Да, но еще пока не отпустили, договариваются с профессором о том, когда провести следующий семинар - она настороженно, словно боится чего-то, смотрит на меня - ты готова?

- К чему?

- Интервью.

Вот черт! Я и забыла. Заставляю себя кивнуть и натужно

улыбнуться. Мили заметно расслабляется.

- Вот и хорошо, это всего на 5 минут, ты и не заметишь.

Дай Бог, Эмили, Дай Бог.

- Итак, студенты - ректор прерывает гул голосов в аудитории - следующий семинар послезавтра, мистеру Дэвису так удобнее.

Все приходит в движение. Я, как обычно, сижу, жду, пока столпотворение закончится.

- Мисс Джонсон - Гаррисон подошел к нам - сейчас все выйдут и у вас будет 5 минут.

- Хорошо, я успею, спасибо профессор.

Однако церемония прощания вышла долгой. Каждый пытается добыть автограф, фотографию или хотя бы просто пройти поближе к братьям. Их уже заметно раздражает такое обильное внимание, и ректор начинает всех поторапливать, но столпотворение только увеличивается. Ох, а девушки что творят девушки. Каждая, проходя мимо, бросает кокетливый взгляд в сторону знаменитостей и вызывающе улыбается, каждая просит сфотографироваться. Вскоре такое количество осаждающих и жаждущих любви молодых нимф вызывает ощутимое неудовольствие Дэвисов. Коул едва заметно кивает и две безупречные секретарши с солдатской выправкой быстренько провожают всех до дверей. Рой, который даже подобраться ко мне не смог, повернулся в дверях и показал кулак: крепись, мол, старушка. В конце концов, в аудитории остаются Коул, две его помощницы и Доминик.

Последний вальяжно усаживается на стул и откидывает назад голову. Мили берет быка за рога.

- Здравствуйте, мистер Дэвис, я Эмили Джонсон. Ответьте на пару вопросов?

- Хорошо, мисс Джонсон, но только на пару - тут он замечает меня, взгляд леденеет.

- Вы что-то забыли?

Я угрюмо молчу. Доминик поднимает голову.

- Эге, братец, да она не оставит нас в покое.

Молчу, что дается мне с огромным трудом, ведь нужно видео, а если сейчас опять начнется перепалка, его 100% получить не удастся. Эмили, наконец, вмешивается.

- Простите, мистер Дэвис, я забыла вам сказать. Вероника ээээ... моя помощница. Она будет все снимать - решимость у нее убывает с каждой минутой по мере того, как его глаза становятся все холоднее и холоднее - это... ээ..нужно. Эээ для проекта.

- О съемке договариваются заранее, мисс Джонсон. Мне же говорили только об интервью.

Сказать, что Эмили растерялась - это не сказать ничего. Она часто-часто моргает - верный признак скорых слез, и покраснелась. Руки нервно начали перебирать складки на платье, а в глазах светится нескрываемый, дикий ужас и стыд.

- Простите - ее почти не слышно.

Он тяжело вздыхает.

- Ну, хорошо, видео так видео. Давайте быстрее заканчивать, я спешу.

- Да, конечно. Сейчас. Она бежит к сумке за вопросами. Пауза явно затягивается.

- Можно помедленнее, мисс. Если не найдете, заново составим, мы люди свободные, располагаем кучей времени - саркастически произносит Доминик.

Ох, как я была бы счастлива, врезать ему в глаз, может спеси бы поубавилось.

- Господи, да где же они - Мили в панике. Братья закатывают глаза. Какие чудные манеры, интеллигенция, издалека видно. Я не выдерживаю.

- Может, пока сделаем пробное видео? Ну там выберем место, где лучше освещение?

Коул удивленно вскидывает бровь.

- А почему бы и нет. Быстрее начнем - быстрее закончим - он застегивает пиджак - Доминику тоже надо?

- Это вы у него спросите, надо ему или нет.

- Вы прямо-таки сама любезность, мисс Третьякова - сухо замечает мой оппонент.

Я достаю камеру, и погружаюсь в такой знакомый и привычный для меня мир. С Коулом работать, конечно, одно удовольствие: ничего не надо поправлять, просить встать в определенную позу - он сам все прекрасно знает. Доминик сидит и молча, холодно взирает на все это действо.

- Вероника Третьякова - нарушает он молчание, - какое

необычное для Америки имя.

Я стараюсь не обращать внимания на явную провокацию. Ему поразвлекаться хочется, играя на моих нервах, а мне как-то не очень нравится быть за клоуна для большого и важного актера.

- Вы из России?

- Не даю интервью, мистер Дэвис. Все, спасибо - обращаюсь к Коулу.

- Я-то уж думал, будет полномасштабный фильм.

- За 5 минут? Да вы оптимист.

Остановись, Ника, закрой рот.

Ответ мой пришелся не по нраву всем участникам нашего импровизированного спектакля. Но связываться никто не стал, и огни батарей переключились на мою соседку.

- Дорогой вы наш профессионал - Коулу не терпится уйти - я давал вам 5 минут, прошло уже 6, вы готовы?

- Да, простите, нашла - бедняжка Мили, покраснела до кончиков волос. Она смотрит в мою сторону, где я изо всех сил стараюсь изобразить улыбку, чтобы хоть как-то придать ей решимости. По всей видимости, получается не очень убедительно, ибо Эм теребит своё многострадальное платье еще интенсивнее.

- М-мистер Дэвис, давайте начнем - поднимает на него глаза, он раздражается еще больше.

- Давайте уже закончим.

Помощницы громко усмеваются. А что же наша звезда?

Он, не скрывая презрения, сверлит бедную Эмили взглядом и сердито постукивает пальцами по ноге.

- В-в-вы так много рассказываете о бизнесе и почти ничего о семье, повлияла ли как-то она на ваш успех?

- Что за вопрос такой? Естественно. Без поддержки родных я сейчас так и торговал бы покрывалами в магазине.

- Эээээ, вы говорите, что поднимались с низов, а для моего проекта желательно было бы, с вашего позволения - он настороженно смотрит на нее, улавливаю даже некоторую опасность - узнать, насколько печальным было ваше положение?

- Весьма печальным. Мы жили очень бедно. Такой ответ устроит? - рассердился, слишком личный вопрос. Эмили на грани, сейчас расплещется.

- А п-п-почему у вас нет семьи? Это из-за бизнеса или вы сами пока что не готовы?

- Что, простите? - Коул ошарашен - Что за вопросы?

Помощницы его буквально еле сдерживаются, чтобы не рассмеяться. Доминик враждебно продолжают сверлить глазами Эмили, а моя подруга на грани истерики.

- Это нужно для моего исследования, я рассматриваю успех через семью. Какую она играет роль. Простите - опускает глаза, ну все, реветь теперь будет целый день.

Доминик поднимается со стула, все так же презрительно глядя на Эмили и подкрепляя свое недовольство репликами типа «с виду вроде умная девушка». Коул злится, это в принципе естественно, к таким личным вопросам он готов

не был.

- Мне пора, мисс Джонсон.

Ну все, господа! Я больше терпеть не стану. Меня буквально разорвет сейчас от злости.

- Т, мистер Дэвис, «Тактичность». Поищите это слово у себя в словаре.

Он резко разворачивается в дверях.

Я зла как, наверно, никогда в жизни. Меня не волнует ни ректор, ни моя дальнейшая учеба, ни то, что обо мне эти выскочки подумают. Меня волнует Эмили, которая сейчас еле сдерживает поток слез. Я поднимаю глаза на наших гостей, отмечая про себя, что почти все вне себя от такой наглости. И только Доминика всё это явно забавляет. Он стоит, скрестив руки на груди, и смотрит мне прямо в глаза. Чувствую неловкость, потеют ладони и бегут мурашки, когда взгляд медленно скользит по фигуре, оценивающе, вызывающе, нагло... Однако мой словесный поток сейчас остановить невозможно, а посему я продолжаю речь, отчитывая их, как учительница нашкодивших школьников.

- Когда респондента не устраивает вопрос, он обычно говорит, что это слишком личное, и, ТАКТИЧНО указывает на то, чтобы впредь больше он не задавался, вы этому искусству явно не обучены - четыре пары глаз смотрят на меня с нескрываемым удивлением. Я спокойно подхожу к Эмили, обнимаю за плечи, и, не поворачивая головы, кидаю: «Можете быть свободны».

Да заткните мне кто-нибудь рот!

- Мисс Третьякова - голос звучит тихо, ласково, но твердо, от чего я ощущаю дискомфорт и некоторую опасность – прийти на интервью неподготовленными – это почти оскорбление. Не стоит заниматься тем, что у вас не получается.

Доминик спокоен, уверен, излучает силу и власть. Он насмешливо и равнодушно смотрит в нашу сторону. Коул, по всему видно, от такой наглости потерял дар речи. Воздух между нами буквально наэлектризован, вот-вот кого-то ша-рахнет. Тут подает голос одна из подпевал, решая, видимо закончить эту дискуссию

- Мы уже опаздываем, мистер Дэвис.

Коул ни слова не говоря выходит из аудитории. Мы теперь у него в черном списке, уверена на все сто процентов. Доминик некоторое время стоит в дверях, потом очень мягко, с ехидной улыбкой бросает на прощание

- "С", мисс Третьякова. Думаю, слово вы и сами догадались, какое нужно посмотреть.

Осел! Надутый самоуверенный осел, который... который прав. Прав безоговорочно. Мы облажались.

Глава 3

Эмили ревет вот уже второй час, после того как мы приехали. Заперлась в ванной в компании бумажных платков и уничижительных мыслей. Я сижу спиной к двери и слушаю ее душераздирающие всхлипы. Временами она что-то причитает, потом плачет еще громче, потом опять причитает.

Если бы все прошло хорошо, проект оставалось лишь довести до ума: все обработать и перенести на плакат. Коул был его изюминкой – один из самых влиятельных бизнесменов во всем мире. Удачей было вообще заполучить интервью на 5 минут, а мы эту возможность так глупо упустили. Я вздыхаю. Ну почему, почему у меня не получается сдерживать себя? Почему Эмили не предупредила его? Еще куча почему... Хотя какой смысл гадать, ведь мы уже благополучно и с треском облажались. Меня отвлекает звонок сотового.

- Да?

- Все так плохо, старушка? - обеспокоенный голос Роя возвращает меня к реальности.

- Да. Хуже и не придумаешь.

- Мдаааа... - мы оба молчим, ибо сказать-то собственно и нечего - мне приехать?

- Нет, Рой, тут ты не помощник. Я позже позвоню, хорошо? - слезы душат меня, но я не плачу.

- Держись, старушка. Не кори себя, и Эмили пусть успокаивается. В жизни всякое бывает.

Я кладу трубку. Да уж, всякое. Такое, наверно, только с такими, как мы, может произойти. Ну как, как можно было так начудить?

Дверь открывается и кто-то похожий на мою подругу, с опухшим лицом, растрёпанными волосами и красными глазами выходит из ванной. Я боюсь даже сказать что-то, такой у нее несчастный вид. Эмили, моя милая, добрая Эмили.

Мне стыдно, просто невыносимо видеть ее такой.

- Нет, Ник - она пронизательно смотрит на меня грустными, полными слез глазами - ты не при чем, нет. Надо было готовиться. Это тебе не просто бизнесмен, открывший пару клубов. Это бизнесмен с большой буквы. Я сама виновата и поделом мне - сейчас опять расплачется - спасибо, что заступилась.

Я подхожу и обнимаю мою самую лучшую подругу. Что ей сказать, как утешить?

- Ты же готовилась. Мы брали интервью у известных, в своей области, людей, и ни разу такого не было.

- Это другой уровень, Ник - она всхлипывает, слезы заливают лицо - он не просто известный. Он успешный, популярный, пользующийся невероятным авторитетом магнат, который исключительно по доброте душевной предоставил мне шанс, а я... я... - всё, больше не может говорить.

Я глажу её по волосам? Что сказать? Как поддержать?

- Не плачь, Мили. Давай я приготовлю тебе поесть?

О чудо, она улыбается. Улыбается через реку слез.

- Нет, спасибо, я жить хочу - вытирает лицо платком - ты сегодня работаешь?

- Нет, смена Дженнифер. Может воды? - я озадаченно смотрю на неё. Чем помочь, чем?

- Нет. Я пойду, лягу. Если что - нет меня, и телефон выключу.

Она уходит, а я никак не могу прийти в себя. Стены душат

меня, не могу здесь оставаться.

Я бегу уже минут 30. На улице стемнело и Сан-Франциско надел свой блестящий костюм. Оживленные девушки, одетые в самое лучшее направляются в клубы в поисках любви на одну ночь. Они накрашены до неузнаваемости, от них разит парфюмом за версту, они уверены в своей неотразимости. Я улыбаюсь - удивительные создания. И всё им нипочем: сегодня не получилось, значит, завтра получится, а если уж и завтра не повезет, то на неделе точно. Невероятное упорство (я улыбаюсь еще шире). Их много - по одной, как правило, ходить не принято. Каждая думает, что она самая красивая, поэтому все мужчины будут у ее ног, а остальным мысленно желает красиво провалиться, но продолжает улыбаться и мило разговаривать с «подругами». О, «дружный» женский коллектив.

Я уже готова бежать домой, как вдруг мобильный дал о себе знать.

- Алло?

Шум в трубке ужасный, очень трудно разобрать слова.

- Ника, Ника ты слышишь? - это из клуба, Дженнифер - Мне надо срочно уйти, сестра попала в больницу, подменишь на пару часиков?

- Джен, я только с пробежки, в трениках... - тут я понимаю: сестра, больница - да, конечно. Скоро буду.

Быстренько ловлю такси.

- Клуб «Микс». Побыстрее.

Водитель с сомнением смотрит на мою не слишком презентабельную внешность.

- А платить-то есть чем?

- На месте заплатят. Быстрее.

Он всё еще сомневается, но едет. Через 20 минут прибываем на место, я выбегаю из машины и на ходу бросаю охраннику: «Джимми, расплатись». Народу - тьма, освещение, как впрочем, и всегда, довольно скудное, поэтому увидеть что-либо конкретнее не представляется возможным. Мне такие сборища всегда напоминают джунгли, где за каждым поворотом грозит опасность, где какое-нибудь сумасшедшее животное вдруг сочтет тебя своей добычей. В данный момент неадекватных хищников здесь больше, чем в самых непроходимых тропиках. Стараюсь понять, как бы было безопасней пройти, однако такое столпотворение не оставляет выбора. Вдыхаю и бегом до бара. Дженнифер там уже ждет за стойкой. Она бледная, голубые глаза грустны, пухлые губы поджаты - сдерживает слёзы: плакать тут не положено. Прическа, наш фирменный хвост, растрепана, и белые волосы торчат в разные стороны. Забегалась, скорее всего - еще бы, тут яблоку негде упасть. С трясущимися руками подходит ко мне.

- Ника, спасибо. Я постараюсь быстрее.

- Да о чем ты - ободряюще ей улыбаюсь - сколько надо, столько и оставайся с сестрой. Что тут?

Она на мгновение выходит из грустного забытья и становится сосредоточенной.

- Так, два випа заняты. В одном кто-то мега крутой, поэтому обслуживала их сама. Есть парочка тусовщиков, которые скоро напьются до кондиции - указывает на центр танцпола - вон та девушка, в коротком блестящем платье, на высоченных шпильках, и парень танцует на два человека вправо.

- В синей рубашке?

- Да, он. Из своих тут только Кортни отдыхает, с неё не берём. Начальства нет, и не приедет, на каком-то благотворительном вечере. Но ты, наверно, знаешь. Ах да, Рой здесь, вон там - указывает на диван - с очередной спутницей. Но с него берем - вымученно улыбается.

Я киваю.

- Всё поняла. Переодеться есть?

- Да, в раздевалке, я тебе приготовила.

- Хорошо. А теперь марш в больницу. Быстро-быстро, топай.

Дженнифер вновь грустно улыбается и тут же растворяется в толпе. Ох, чую, ночь обещает быть долгой. Я быстро переодеваюсь в черные классические прямого покроя брюки, белую блузу и туфли на высоком каблуке, цепляю бейдж и завязываю хвост. Краситься уже нет времени, кто-то зовет администратора.

- Привет, Том - улыбаюсь нашему бармену. Он высокий блондин с голубыми глазами. Не парень, а мечта: веселый,

умный и очень профессиональный. Для клуба прямо-таки находка. Рот расплывается в шикарной белозубой улыбке.

- Привет, Ник. Хорошо выглядишь.

- Ой, да ладно. Кто зовет?

- Кто-кто, вип конечно. Первый. И, Ник, там прям крутые ребята, поосторожней - он выжидающе смотрит.

- Я на работе не задираюсь, ты же знаешь.

Подмигиваю ему и направляюсь на второй этаж к лестницам. Как хорошо, что возле випов так мало народу, как хорошо, что я администратор, спасибо папиному другу.

С мистером Смитом папа познакомился, когда тот жил некоторое время в России. Он помог ему отбиться от каких-то головорезов в 90-е, после чего они стали хорошими друзьями. Оказалось, дядя Джек, был начинающим бизнесменом, в Россию приехал по работе: открыть пробный ночной клуб и посмотреть, как пойдут дела. Папа во многом ему помогал: с людьми договаривался, советовал, какое выбрать помещение, чтобы и выгодно располагалось, и цена не кусалась. Однако, за свои труды он ни взял ни копейки, как бы Смит не настаивал. В конце концов, дядя Джек понял, что бороться бессмысленно, но приезжал к нам в гости каждый год. Однако, когда дело коснулось любимой дочери, папа долго не раздумывал: один звонок и у меня есть квартира за смешные деньги в неплохом районе, машина, за которую я даже аренду не плачу и работа в клубе администратором. Я очень благодарна ему за такую возможность, без помощи

мистера Смита всё было бы куда печальнее.

Поднимаюсь на второй этаж и направляюсь к первой кабинке. У нас самые лучшие столики для вип-клиентов в городе. Приглушенный свет, цвет которого регулируется по вашему желанию, удобные, мягкие, приятные на ощупь диваны, нередко встречающие в своих уютных объятиях уставших посетителей. Плазма на стене, чтобы было удобно наблюдать за тем, что происходит в зале, много места, и, конечно, кнопка вызова обслуживающего персонала, дабы не утруждать себя хождением туда-сюда по лестницам. Один вип рассчитан на 15 человек, если же вас пятеро или того меньше, разместитесь с шиком. Обслуживает, как правило, специальный официант, если женщины и специальная официантка, если мужчины. А для особых клиентов, таких как этот, вызывают администратора.

Я слышу дамский громкий смех и приглушенные мужские голоса. Там человек 8 не меньше, а администраторша после пробежки и не накрашена. Мысленно ругаю себя, перевожу дух и предстаю перед нашими шишками.

- Добрый вечер...

Господи, не может быть! Это же Дэвисы, оба, в компании 5 девушек и еще трех молодых людей. Коул, увидев меня, удивленно таращит глаза, а Доминик... Оооох, Доминик. Как же он красив. Черная рубашка прекрасно сидит на мускулистых плечах, две верхние пуговицы небрежно расстегнуты, из за чего немного видно поросль кучерявых волос на груди,

джинсы темно-синие, слегка приспущены, а одеколон - запах просто божественный. Он сидит с краю, ближе всех ко мне, в обнимку с умопомрачительной красоткой, платье у которой еле-еле прикрывает попу. Увидев меня, слегка подался вперед, удивленно буравя взглядом карих глаз. Чувственные губы растягиваются в ироничной улыбке. У меня внутри все сжалось от этого взгляда, а ноги чуть не подкосились. Ну что в нем такого! Невозможно сосредоточиться. Я откашливаюсь, и начинаю снова.

- Добрый вечер, Господа. Меня зовут Ника, я администратор. К сожалению, девушка, которая вас обслуживала, вынуждена была уйти, поэтому я ее заменю.

Коул первым обретает дар речи. Он окидывает меня насмешливым взглядом и говорит.

- Три стопки текилы, одно мохито, 4 космополитана и 2 виски со льдом. И быстрее, пожалуйста, та девушка была весьма расторопна.

Я стискиваю зубы, изображаю нашу профессиональную улыбочку и спокойно отвечаю.

- Да, конечно.

Разворачиваюсь и в шоковом состоянии мчусь к бару. Что за день? За что мне это? Повторяю заказ нашему профессионалу, а сама опираюсь на стойку, чтобы не упасть, ибо ноги решительно отказываются слушать хозяйку. «Дыши, Ника, Дыши».

- Готово - я не реагирую, Том машет передо мной руками

- эээй, готово, говорю, неси.

- А, что? Ах да.

Беру поднос и с предчувствием, которое можно охарактеризовать более чем тревожным, поднимаюсь в випы. «Давай, Ника. Все будет хорошо. Обычные клиенты, ничего страшного».

- Ваш заказ - все резко разворачиваются в мою сторону и разглядывают как обезьянку в цирке. Дамы - с презрением, мужчины - с откровенным интересом. Видно узнали историю нашего знакомства.

- Что-нибудь еще?

Коул берет виски.

- Вы очень сговорчивы, Вероника.

Что-то в этом роде я ожидала. Слава Богу, хоть знаю, что ответить.

- Ника, прошу. Для вип-клиентов Ника. Это моя работа.

Один из парней, симпатичный и длинноволосый, беря свою стопку текилы вальяжно произносит.

- Не хотите к нам присоединиться?

Что? У меня даже рот от удивления открылся. Это не первое приглашение выпить от вип-клиентов, но единственное, полученное через 5 минут после знакомства. Обычно надо хорошенько напиться, чтобы снизойти до простых смертных, а тут прямо лобовая атака - да уж, прыткий молодой человек. Справедливости ради, хочу сказать, что удивлена не я одна. Девушки как по команде уставились на него. Я

чувствую, что Доминик смотрит, прямо-таки прожигает меня взглядом, но стараюсь не обращать внимания: его откровенная сексуальность не дает спокойно мыслить, да что там мыслить, просто на месте стоять.

- Ну так что? - повторяет мой новоиспеченный благодетель.

- Вынуждена отказаться, нам запрещено расслабляться с клиентами.

Вижу боковым зрением, как мистер суперзвезда снова подался вперед. Его голос, такой мягкий, такой соблазнительный, отчетливо слышится во всем этом хаосе.

- А что же вам можно, мисс? С кем вам можно расслабляться? - дамы оценили шутку. Прикрываются ладошками и хихикают. Ах ты ж дрянь. Я смотрю в его глаза, холодные, смеющиеся, издевающиеся, дразнящие и сгораю от бессильной ярости. Университета было мало, надо продолжить развлекаться, на виду публики более склонной реагировать на такой «искрометный юмор». Хорошо, играть, так играть.

- Нам вообще нельзя расслабляться на работе, мистер Дэвис, уж не знаю как у вас. Еще что-нибудь надо? - перевожу взгляд на Коула. Он внимательно следит за мной и братом, с толикой... беспокойства?

- Нет спасибо. Идите.

«Спасибо, спасибо, спасибо» - мысленно благодарю я. Находится там, рядом с Домиником, чувствовать взгляд его оценивающих глаз, вдыхать аромат его одеколona - это по-

ложительно невыносимо. Почему именно этот мужчина действует на меня так? Надо собраться, время только 12, а работать до 2.

Я тихонько пробираюсь за барную стойку и сажусь на стул. Том, как всегда, ловко управляется с бутылками и готовит коктейли. Посетители столпились, наблюдая это шоу полупьяными глазами и щедро, о чем наверняка назавтра пожалеют, кладут чаевые в вазу. Пока что все идет нормально. Опасная девушка по-прежнему танцует, опасный парень решил всё-таки присесть, мутит видимо. Жалеет, наверно, что напился.

- О, Вероник - Том прерывает свое выступление - выпы спускаются. Танцевать, скорее всего.

Я, совершенно неожиданно для себя, ныряю под барную стойку и, вцепившись в стул, чтобы не упасть, замираю. Не дай Бог увидят, ссоры, а может и потасовки, это как пойдет, точно не избежать. Том с удивлением смотрит на меня.

- Меня нет, если что, занята скажи - он продолжает недоумевать, но кивает. Спустя секунд 30 слышу голос длинноволосого.

- А где ваш администратор?

- Она отошла, дела какие-то в подсобке.

Я еле-еле дышу. «Уйди ты танцуй».

- Что-нибудь передать?

- Да - в голосе звучит смех - что я жду её на танцполе.

Каков наглец, а?

- Я сожалею, но администраторы по танцполам не ходят - Том профессионален и холоден - извините, много работы.

Я сижу, без понятия ушел он или нет, еле живая от волнения. Том пока что не смотрит, может, стоит еще? Сижу так минут 15, потом вижу его еле заметный кивок и встаю. Да, ушел. Танцует с одной из барышень. А рядом Доминик танцует со своей спутницей. Двигается он потрясающе, стоит признать: медленно, в такт музыке, нежно обнимая девушку. Они прекрасно смотрятся вместе: такой удивительно красивый мужчина и обворожительная длинноволосая брюнетка. Она чувствует его малейшие движения и умело под них подстраивается, улыбается, когда он что-то шепчет ей и легонько проводит кончиками пальцев по его щеке. Влюбилась, это очень бросается в глаза, готова хоть с рук есть, лишь бы привлечь внимание Доминика. Вдруг он поднимает голову и смотрит в мою сторону, наши взгляды встречаются. «А я тут подглядываю». Истерический смешок сейчас оказался как раз к месту. Боже, эти глаза... «НИКА, НЕТ!» Невероятным усилием воли отвожу взгляд в другую сторону, делаю вид что занята, но чувствую каждой клеточкой своего тела карие глаза, изучающе и толикой интереса взирающих с танцпола. Зачем он смотрит? Хочет смутить? Поиздеваться? Выжидаю минуты 2 и снова бросаю осторожный взгляд в его сторону. Да, по-прежнему не отводит от меня глаз. Более того направляется прямо сюда. Потееют ладони, мне трудно дышать. Черт бы побрал!

- Виски, двойной - кидает Доминик бармену. Подходит и садится на стул прямо напротив. Я спокойно, как мне кажется, смотрю на него.

- Так вы, значит, не танцуете? - он наклонил голову, игриво улыбается. И без того темные глаза при скудном свете кажутся совсем черными, из-за чего мне совершенно непонятно он пьян или действительно флиртует.

- Кто вам сказал, мистер Дэвис? - я стараюсь выглядеть равнодушной.

- Мой брат.

- Еще один? - удивленно приподнимаю бровь.

- Двоюродный. Не о том речь. Значит, танцуете? - карие глаза смотрят оценивающе.

- Нет - смотрю на танцпол.

- Как это понимать? - вот привязался. Я вздыхаю, и наставительным тоном, прямо как ребенку, объясняю.

- Вообще, я танцую. Но на работе, а, если вы заметили, я как раз на работе, нет. Уж тем более с подвыпившими клиентами.

Он усмехается, продолжая прожигать меня взглядом.

- Вы всегда такая, мисс Третьякова? - отпивает немного виски.

- Какая? - пошли расспросы. Ох, как же я этого не люблю. К тому же в его присутствии невозможно оставаться спокойной.

- Общительная.

- Да. Всегда - он по-прежнему, оценивая, изучает мое покрасневшее лицо. Но меня вдруг разбирает неуместное любопытство.

- А чего вы вдруг такой разговорчивый? - бокал замирает на полпути к месту назначения. Ага, растерялся. Мысленно аплодирую себе за вопрос.

- Потому что вы на меня так смотрели, будто умоляли пойти.

Нет, это просто невыносимо! Да, смотрела, но уж точно не призывала взглядом. Да лучше бы ты там и оставался, мне было бы куда спокойней.

Дом внимательно проследил за моей реакцией и недожавшись ответной реплики, ибо дар речи временно покинул меня от такой наглости, самодовольно засмеялся.

- Всегда люблю девушек подразнить - она насмешливо улыбается мне, обводя взглядом тело и останавливаясь на лице. Я вся пылаю от стыда. Почему мне стыдно?

- Мне нужно работать, мистер Дэвис.

Я выхожу из-за стойки и натыкаюсь на его брата. Да что же за день такой, это невероятно, прямо праздник «Влипни в историю».

- Я вижу, вы освободились, Ника. Идем танцевать.

Прежде, чем я успеваю что-то возразить, длинноволосый тащит меня в самое сердце танцпола, где огромное количество людей продолжают двигаться, пихаться и топтать друг другу ноги. «Нет, нет, только не это». Доминик идет следом.

Вырваться не представляется возможным, этот любитель потусить вцепился мертвой хваткой. Я хочу уйти, но слишком плотно меня зажали. Мой «ухажер» танцует напротив, Доминик сбоку. Слишком тесно... Вот опять. У меня учащается дыхание, я метаясь из стороны в сторону, пытаюсь выйти, ничего не выходит. Страх наваливается непосильной ношей. Снова я одна, снова в плотном кольце, снова не могу уйти. Сердце бешено стучит, меня трясет, пелена перед глазами становится темнее. Последнее, что я вижу - полное тревоги лицо Дэвиса младшего.

Глава 4

- Эй, ты как? - незнакомый голос. Это не Рой. Я приподнимаю веки и оглядываюсь: приглушенный лампы, софиты, мягкий диван... Да я же в випе! Резко сажусь, голова кружится ужасно. Какой-то мужчина с тревогой наблюдает за мной. Боже мой! Да это же мистер звезда.

- Ложись - голос строгий, но обеспокоенный. Эго мое яростно протестует: ишь ты, раскомандовался. Но на данный момент спорить бессмысленно - все плывет перед глазами. Осторожно, стараясь не делать резких движений, опускаюсь обратно.

- Я упала в обморок у всех на глазах?

- Да - он пересаживается в изголовье и смотрит на меня сверху вниз. Я закрываю глаза.

- Вот черт.

Прячу лицо в руки. Какой стыд! Шлепнуться в обморок на виду у такого количества посетителей.

- Что с тобой случилось? - бархатный тембр звучит мягко, но требовательно.

- Я не даю интервью - опускаю руки и смотрю ему в глаза, которые на данный момент мечут молнии и явно предупреждают не пререкаться.

- Мне до смерти надоели твои выпады, Ника. Либо ты отвечаешь, либо я вызываю скорую и поедем в больницу узнавать, что это ты ни с того ни с сего сознание потеряла.

Я рассерженно фыркаю. Нашелся тут рыцарь на белом коне.

- Не помню, чтобы мы переходили на ты, мистер Дэвис. Опасность, которую он сейчас излучает, становится куда ощутимее. Всё сдаюсь.

- Обыкновенная паническая атака - я поднимаюсь и сажусь - что тут удивительного.

- Действительно - сарказм в его тоне очевиден - подумаешь дело какое.

Он серьезно смотрит в мои глаза, и под этим взглядом я съеживаюсь и мысленно даю себе установку выбирать выражения, так ведь недолго и на неприятности нарваться.

- Почему случилась эта паническая атака, Вероника?

- Я не хочу это обсуждать, мистер Дэвис, вам непонятно?

Он рассерженно стискивает кулаки. Мне становится страшно.

- Надо было тебя там оставить, может, научилась бы хорошим манерам.

Я удивленно смотрю на него.

- Оставили бы. Не припоминаю, чтобы просила вас о помощи.

Поднимаюсь потихоньку с дивана, опираясь на стенку. Всё плывет перед глазами, меня тошнит. День определенно не самый лучший в моей жизни: две панические атаки, ссора с двумя известнейшими людьми, слезы Эмили. Мда... Он не просто плохой - паршивей некуда. Я потихоньку, опираясь на что попадется, продвигаюсь к выходу. Вдруг чувствую, как Доминик берет мою руку в свою горячую ладонь и резко дергает к себе в объятия.

- Ты куда это собралась?

Мы стоим, прижавшись друг другу, я ощущаю его напрягшееся тело под своими руками. Он пахнет виски и одеколоном, рубашка расстегнулась еще на две пуговицы, оголяя мускулистую грудь. Этот мужчина создан для соблазнения женщин. От него прямо разит сексом. Голова кружится еще сильнее от того, что Доминик так близко. Я поднимаю глаза и встречаю взгляд прекрасных глаз. Он злится и обеспокоен.

- Отпусти меня.

Уголки чувственных губ, от одного взгляда на которые у меня внутри все переворачивается, расплываются в улыбке, обнажая ровные белые зубы.

- Если я отпущу тебя, милочка, ты упадешь.

Милочка? Это что вообще такое? Это я-то - милочка?

- Не упаду. Отпусти меня.

Он продолжает улыбаться и медленно наклоняется к моему лицу. Я чувствую его дыхание у себя на коже. Боже мой! Ну как тут остаться спокойной, когда глаза, цвета темного шоколада пристально меня изучают, притягивая и абсолютно обезоруживая.

- Ты уверена, что хочешь этого?

Это просто невозможно выдержать. Зачем он меня дразнит? Так и запустила бы пальцы в эти прекрасные черные волосы... «Нет! Нельзя! Ника, нет!»

- Да - говорю я тихо и, признаюсь, без какой-либо уверенности в голосе - Пусти.

- Ну уж нет- продвигается еще ближе - милочка.

Он нежно касается моих губ, осторожно, как бы проверяя, можно ли продолжать. Я больше не могу бороться со своими желаниями и неуверенно отвечаю. Чувствую, как он улыбается, прижимает меня сильнее и теперь куда настойчивее впивается в мои жаждущие губы. Ох, как это приятно. Моя кровь закипает в жилах, желание, огромное и неукротимое, заставляет забыть обо всех предосторожностях. Я обнимаю его за плечи, он продолжает настойчиво и жадно терзать мой рот. Его губы ласкают, заставляя все больше и больше погружаться в сладкое забытие. Внутри все горит, голова кружится от нахлынувших восхитительных ощущений. Он прикусывает мою нижнюю губу, а потом тихонько её посасывает. Боже,

я не могу себя контролировать. Его язык приоткрывает мои губы и проникает внутрь. Чувствую вкус виски, приятный и дурманивший одновременно. Доминик немного отстраняется и обводит мои губы своим горячим языком, а потом вновь врывается в мой рот. Разум, поджав ноги, убежал куда-то, захватив с собой совесть. Я неуверенно касаюсь его языка своим и чувствую, как мышцы напрягаются под моими пальцами. Он ласкает мою спину, опускаясь всё ниже и с силой сжимает ягодицы. Я охаю, как же приятно. Его прикосновения к моему разгоряченному телу жалят, даже через одежду, заставляя всё сильнее прижиматься к восхитительному мужскому телу. Чувствую бедром его эрекцию. Он хочет меня! Этот невероятно сексуальный мужчина, мужчина, который может получить любую, хочет меня. О, какое упоительное чувство! Поцелуй становится всё настойчивее и мы никак не можем насытиться. Мои руки с плеч переползают по рубашку Доминика, и потихоньку ласкают обнаженную кожу. Он издает звук, похожий на рык и поднимает меня к себе на бедра. Ничего не остается, кроме как обхватить его ногами. Господи, что со мной твориться? Он целует мою шею, ласково поглаживая ягодицы опытными руками, не могу сдержать стон, не могу дышать. Я хочу его, прямо здесь и сейчас.

- Детка, ты такая страстная.

Детка? Разум помаленьку, собирая пожитки, возвращается в затуманенную голову. «Господи, что я делаю? Я же его даже не знаю!» С силой отстраняюсь и спрыгиваю на пол,

переводя дыхание. Ох и дура. Нет же, просто сказочная идиотка. Чуть не занялась сексом на работе, да ещё с тем, кто ежедневно может иметь столько женщин, сколько захочет.

- Что случилось, детка? - он явно удивлен моим поведением.

- Я тебе не детка.

Злюсь. На себя, на него, на весь мир. Доминик быстренько приходит в себя. В очередной раз окидывает взглядом мою фигуру и усмехается.

- А говорила, не расслабляешься на работе, детка.

Ах ты, сукин сын. Посмеяться решил. Ну, я тебе сейчас посмеюсь.

- А я читала, что ты просто умопомрачительно целуешься. Враньё, видимо.

Разворачиваюсь и убегаю с места преступления. «Нельзя играть на мужском самолюбии, Ника. Можно дорого за это заплатить» - проносятся в голове слова мамы. От страха не вижу, куда и зачем бегу, постоянно натыкаюсь на кого-нибудь, от чего недовольные крики и матерные реплики несутся вслед за мной. Даже толком понять не могу, чего боюсь. Ну и разозлился, что в этом такого? Не раз мне приходилось иметь дело с разъяренными мужиками, у которых чешутся руки кого-нибудь ударить. Это на меня совсем не похоже: обычно я двумя руками за поставлю на место сильный пол. Меня не пугают ни их сила, ни внушительного размера кулаки, потому что я всегда смогу дать сдачи, ибо неплохо бок-

сирую, а также обучалась и приемам самообороны, и технике рукопашного боя, и даже немного дзюдо. А сейчас вот боюсь. Доминик прямо-таки излучает опасность. Просто стоять с ним рядом тяжело, напряжение можно руками потрогать, а тут силами померяться.

- Эй, Ник! Ник! - о, это Том. Наверняка беспокоился, еще и полклуба переполошил. Ну конечно! Тут вся охрана, официанты полным составом, даже тех. работников на уши поднял.

- Ты где была, черт возьми? Я чуть с ума не сошел от беспокойства!

Я тяжело вздыхаю, периферическим зрением, слава богу, не вижу Дома, и мило улыбаюсь.

- Ребята, простите. Все в порядке. Мне стало нехорошо, и мистер Дэвис любезно оказал первую помощь. Я лучше пойду в кабинет посижу, ты, если что зови.

Том смотрит настороженно, наверняка не поверил в эту притянутую за уши историю.

Стараясь идти не слишком быстро, скрываюсь за дверью кабинета и сползаю на пол. У меня нет сил, даже чтобы пересест в удобное кресло - сумасшедший день. И определенно не мой. Как можно было наделать столько глупостей? Мой новый личный рекорд. Губы до сих пор горят от его поцелуя... Тело до сих пор требует продолжения... Дыхание все никак не может прийти в норму, как будто наркотик приняла. А он наверняка зажимает свою прекрасную спутни-

цу и думать забыл о каком-то поцелуе с какой-то простолюдинкой, коих на своем веку повидал немало. Меня терзает ... ревность? Ревность, такая забытая, такая далекая, вновь поднимает свою голову. С чего мне его ревновать? Кто он мне? «Ну хватит, себе-то уже признай, ты без ума от него. Стала бы ты целоваться с незнакомым человеком, если бы он был безразличен?» И возразить-то нечего. Но сидеть тут и упиваться собственными противоречивыми мыслями не вариант совершенно. Надо выйти в зал и показать, что мне, собственно, тоже наплевать на вас, мистер Дэвис.

Ну вот и стою я вся такая равнодушная, вся такая холодная и неприступная и смотрю как его опытные губы и руки ласкают черноволосую, длинноволосую и безумно красивую девушку прямо посреди танцпола. Она по-хозяйски поглаживает его шею, потом запускает руки в волосы, в эти прекрасные темные волосы. А я все стою, внешне спокойна, а внутри все уже перекрутилось и завязалось в тугий узел. Сейчас предложили бы мне подраться, кинулась бы даже не думая. И желательно на спутницу нашего Дон Жуана.

- Ник, спасибо еще раз - Дженнифер возникла из ниоткуда. Я совершенно не заметила ее появления, хотя, судя по всему, крутиться она здесь уже довольно давно. Вернулся румянец, профессиональная улыбочка и несомненное обаяние этой белокурой красотки.

- Ой, я задумалась. Как твоя сестра? - я даже охрипла от неожиданности. Джен загадочно смотрит мне в глаза и улы-

бается.

- Все хорошо. Что-то съела несвежее. Хорошо, что вовремя скорую вызвали. Красивый он, да?

Черт, черт, черт!

- Да. Знаменитость же, тут полклуба на него глазают - очень убедительно усмехаюсь, но хитрюгу Джен, которая знает все эти уловки наизусть, провести не удастся.

- Ну, у нас тут много знаменитостей было, но ты ни на кого внимания не обращала, кроме...

Она испуганно запнулась и опустила глаза.

- Все нормально, Джен. Я упала в обморок, он помог, отсюда и интерес, ничего такого. Мне надо идти, Эмили одна и в слезах, хорошо?

- Да, конечно.

Треники, кроссы, толстовка... Удивительно порой как одежда меняет человека. Уверенность, надежность и спокойствие как по волшебству возвращаются в мое уставшее тело. Мне тепло и удобно, не надо строить улыбочки и смотреть на пьяных, целующихся людей.

Задний выход заперт, Дженнифер, как всегда, неукоснительно следует инструкциям. Придется через весь зал, через пропитанную алкоголем толпу, прокладывать себе дорогу к выходу, но выбора нет.

Секунда, другая и свежий воздух. Господи, как приятно оказаться на улице ночного Сан-Франциско. Народу значительно поубавилось, а значит немного и пешком пройтись

можно. Ночь - мое любимое время суток. Именно ночью вершатся судьбы, завязываются новые, романтические, полные предвкушений отношения, на один раз... Ну, если повезет, то и на несколько. Именно ночью мысли, которые одолевали тебя весь день, систематизируются, проблемы решаются. Ты расслаблен, ты устал, но, как правило, доволен. Девушки, у которых не выгорело, разъезжаются на такси по домам с улыбкой, под шафе и надеждой на следующую ночь. Я улыбаюсь и вдыхаю полной грудью: нет, все у меня хорошо, просто вот такой необычный, а главное нескучный, выдался денек.

- Домой собралась, детка?

Его голос заставил напрячься все мои мышцы. Я буквально, в любой момент готова рвануть куда глаза глядят, и правильно бы сделала, но что-то держит. Наверное, желание не ударить в грязь лицом.

- Да. Я же просто подменяла Дженнифер. Она с удовольствием обслужит вас вместо меня.

Спиной чувствую, что он подходит. Его запах, такой опьяняющий и обезоруживающий, уже достиг моего носа. Нельзя стоять слишком близко, чревато последствиями, приятными, но недопустимыми. Я поворачиваюсь к нему и медленно, стараясь не делать резких движений, как будто передо мной дикий зверь, отступаю на пару шагов в сторону.

- Значит, тебе не понравилось, как я целуюсь?

Доминик улыбается насмешливо, но угроза исходит яв-

ная. Отступаю еще на шаг.

- Мы на ты не переходили, мистер Дэвис. Идите в клуб, вы пьяны.

Так, обдумываем варианты. Если сейчас снова начну препираться - беды не миновать, а если буду молчать в ответ на издевки - он сочтет это приглашением к дальнейшим действиям. Как же поступить?

- Ты чего так напруглась детка? Я не собираюсь набрасываться, но ты должна научиться сдерживаться, особенно с мужчиной.

Ну давай, нотации читаем друг другу, самое время. Мне страшно. Он пьян, он опасен, я хочу домой.

- Доминик, давай не будем, пожалуйста. Иди в клуб, тебя ждут.

Господи, этот мужчина сводит меня с ума. Он стоит, слегка наклонив голову, руки в карманах брюк. Волосы растрепаны а губы, эти прекрасные чувственные губы, самоуверенно и тепло мне улыбаются.

- Не будем что, мисс Третьякова?

Ох, нет. Я не готова играть в эти игры. Что делать? Как убраться подобра-поздорову? Оглядываюсь в поисках такси, или хотя бы чего-нибудь, что может отвлечь его от моей скромной персоны, и о чудо! Вижу Роя! Пьяного, но Роя, моего лучшего друга, моего спасителя.

- Рой, дорогой, ты пришел за мной!

Буквально бросаюсь к нему и заключаю в объятия. Хоро-

шо, что уже не в первый раз мы таким образом отбиваем настойчивых ухажеров, поэтому, несмотря на явно завышенную порцию алкоголя, Рой быстренько соображает что к чему. Он тепло мне улыбается и чмокает в покрасневшую щеку.

- Никуля, малышка, ну конечно.

Я благодарно ему улыбаюсь и беру за руку, пытаюсь как можно скорее скрыться с поля боя. Но Рой, решив видимо полюбопытствовать, кто же на этот раз не дает мне ходу оборачивается и замирает на месте, как каменное изваяние. Настойчивый ухажер потряс бедного парня до глубины души, он даже в лице поменялся и чуточку протрезвел, по крайней мере, взгляд стал куда сосредоточенней. Рой с силой сжал мою бедную руку, но, изобразив улыбку влюбленного громко, чтобы наш зритель услышал, произнес.

- Идем домой?

Мне очень больно, но я тоже улыбаюсь, ведь это мое единственное спасение. Ох, не избежать мне нотаций, не сегодня, так завтра точно.

- Да милый.

Мы, держась за руки, идем в сторону припаркованных такси и я, в последний раз, кидаю взгляд через плечо на Доминика. Стальной, холодный блеск в глазах, заставляет меня передернуться, как от удара током. Зол, очень зол - видно по агрессивной позе, в которой он замер, как только я отбежала. Сейчас Дом напоминает льва, у которого из под носа увели

добычу, чем он крайне недоволен и готов съесть любого, кто попадется под руку. Вот из дверей выбегает его спутница и что-то кричит ему. Лев, постояв еще долю секунды, грациозно разворачивается и скрывается в дверях клуба. Я чувствую ... досаду. Совершенно определенно. Но покорно шествую за Роем, который продолжает держать в заложниках мою руку.

- Третьякова, ты спятила, скажи мне? Где твои мозги? Какого рожна ты крутишься с Дэвисом?

Рой на взводе, если бы не толика рассудка, которая еще осталась после столь бурной ночи, точно бы оттащил меня за ухо. Мы едем домой и мне, честно говоря, очень стыдно.

- А я то что? Я домой собиралась идти, а он пьяный и на улице, что мне было делать, не скажешь? Попыталась отвлечь, пока варианты прикидывала.

- Ник, ты мне-то хоть зубы не заговаривай, варианты она прикидывала.

Не скажу, что я не умею врать. Иногда по этой части мне нет равных: так искусно вплетать в правдивую канву событий свои придуманные наработки, не мог даже Бонд, когда работал под прикрытием. Однако Роя мне не удалось провести ни разу в жизни. У него какая-то чуйка, что-ли, которая помогает враз вскрывать всю правду. Иногда это очень мешает мне жить, да и всему его окружению.

- Я не хочу разговаривать, Рой. Ты помог - спасибо, но

читать мне очередную мораль не стоит, ибо ты тоже сейчас не святошей сидишь, перегаром дыша на всю машину.

Он заметно убавил свой первоначальный пыл, ведь, в конце концов, это правда, но злой блеск в глазах все-таки остался. Нет, это необычный пьяный парень, которого запросто можно на место поставить, и в этом я полностью согласна со своим другом, но учить меня жить! Нет уж, увольте.

- Хорошо, Ник, ты права, я погорячился. Но ты залезь в интернет и посмотри, кто такой Доминик Дэвис, и тогда, уверен, поймешь, почему я так удивился и разозлился.

Что ж, предложение вполне резонно, ведь мне о нем ничего и не известно, кроме того, что кинозвезда.

- Хорошо. Спасибо, Рой, я пойду.

- Пока, старушка.

В квартире темно и тихо, а значит, Мили и вправду спит. Я еле плетусь к своей мягкой, манящей кровати и плюхаюсь на нее без сил, совершенно лишенная энергии. Даже раздеваться не буду, спать, спать и еще раз спать....

Глава 5

Я бегу, бегу в темноту, в тоннель, гонимая непонятным чувством потери. Тоска щемит мое многострадальное сердце, которое тянется к тому, кто скрылся во мраке и продолжает отдаляться с ужасающей быстротой. Нет! Не уходи! Я догоню, обязательно, ты только подожди немного! Холодные черные глаза на миг виднеются где-то вдалеке, но в ту же се-

кунду пропадают. Нет! Стой! Не уходи!

Я резко подскакиваю в кровати, тяжело дыша, одежда промокла от пота и липнет к телу, от чего мне некомфортно и холодно. Тоска, которая так отчетливо мне снилась, ледяной рукой сжимает сердце. Никогда в своей жизни я не чувствовала себя настолько плохо: будто часть души рвется из груди, доставляя ощутимую физическую боль. Темные глаза преследуют меня и сейчас, знакомые темные глаза...

«Ника, соберись, это был сон, ужасный кошмар». На часах 8 утра, а значит соседка упорхала на учебу, даже не разбудив меня. Мили так поступает в двух случаях: у нее первый факультатив, на который я не записана, или вид мой настолько ужасен, что она решила дать поспать. В любом случае бежать надо быстрее - профессор Гаррисон наверняка с нетерпением ожидает, чтобы озвучить свое наказание.

Около университета толпа репортеров осаждает здание, как обычно, вынюхивая, чуть ли не проламывая двери. А что они тут забыли-то, звезды же вчера были? Я, тихонько, как грабитель, проникаю в корпус через черный ход. Так же, крадучись, двигаю в сторону аудитории.

- Мисс, через парадный вход, я вам сколько раз говорил - мистер Симонс, наш сторож, определенно поджидал меня здесь. Он так почти всегда делает, ругается, на самом деле даже не сердясь, но всегда запирает дверь только после того, как приду.

- Еще раз точно, мистер Симонс. Доброе утро.

В коридорах мертвая тишина, что очень настораживает. Даже во время пар жизнь в них бурлит: парочки, уличив момент, зажимаются по углам, студенты ожидают опоздавших преподавателей, прогульщики, втихаря сидят, общаются друг с другом - а сейчас никого. Так, определенно все это не к добру, надо разведать обстановку.

«Эмили Джонсон», 9:30

«Что тут происходит?»

«Пиар-компания для мистера Коула Девиса. Вроде как он ведет пары из добрых побуждений, направляет молодежь на путь истинный. Ник, не ходи сюда, здесь очень много народа, человек 300, тем более он начал уже, только внимание ненужное привлечешь».

«Хорошо. Он с братом?»

Зачем я спросила? Получилось как-то автоматически, будто для меня в порядке вещей интересоваться, Доминик приехал или нет.

«Нет, но он будет с минуты на минуту. И, Ник, Рой говорил со мной. Постарайся не столкнуться с ним».

Кто бы сомневался: дорогой друг, как обычно, из лучших побуждений все растрепал, чтобы не «охранять» мое душевное спокойствие в одиночку. Вот именно из-за этого я не люблю общаться с большим количеством людей одновременно, эти двое заменят всех с лихвой. А по части лезть в мою личную жизнь - им просто нет равных. Может, я хочу с ним столкнуться?

«А хочу ли?» Часть меня утвердительно кивает: еще бы, он ведь такой красавец. Красавец, который, к тому же, обратил на меня внимание, если, конечно, можно так назвать наше знакомство в випе. А другая часть боится, панически боится любого столкновения с Домиником, его ледяного взгляда, его неукротимого гнева. И она права. Надо где-нибудь подождать, пока Мили освободится.

«Эмили Джонсон», 9:35

"Хорошо. Буду в беседе".

На улице слышится гул голосов, перебивающих и заглушающих друг друга, щелкают затворы камер, вспышки которых ослепляют даже через окно. Доминик приехал: вряд ли кто-нибудь из Вуза мог вызвать такое внимание прессы. А я стою посередине коридора, прямо перед парадным входом - бежать поздно, да и некуда. Остается только подпереть стенку и усиленно молиться, чтоб не заметили.

Рой трудолюбивых пчелок со вспышками и бесконечными вопросами приближается все ближе к двери, ответов я не слышу, видимо Доминик тоже не сторонник интервью. Наконец, все смолкает, и в коридор, осматриваясь, входят двое крепких мужчин в черных костюмах (как в кино, честное слово). Они тщательно проверяют близлежащее пространство, и, естественно, замечают мое скромное убежище.

- Мисс, вы кто?

- Студентка.

Они с ног до головы оглядывают меня, оценивая опас-

ность, и, удовлетворившись видом не самой угрожающей девушки немного расслабляются.

- Раз студентка, почему не на конференции?

Это уже паранойя, ребят, что я могу сделать вашей суперзвезде? Разве только накричать.

- Выгнали меня.

Они усмеваются, затем что-то кратко говорят в открытую дверь фойе и появляется еще один телохранитель, рядом с которым вышагивает мистер Доминик Дэвис. Сегодня он надел официальный, темно-голубой костюм, который выгодно подчеркивает широкие плечи. Вид скучающий, несколько раздраженный, чему виной, должно быть, надоедливые репортеры.

- Картер, что так долго? Вам столько времени надо, чтобы осмотреть пустой коридор?

- Мистер Дэвис, он не совсем пустой.

Кивает в мою сторону и вот, я вижу темно-карие глаза, в которых все больше разгорается удивление.

- Так, так. Мисс Третьякова, какой сюрприз. Задумали убить меня?

Я предпочла бы не разговаривать, убежать, провалиться сквозь землю, лишь бы оказаться подальше. Чувства, которые он вызывает, пугают меня до полусмерти. К тому же Дом такой безупречный, что мои свободные треники, футболка и распущенные спутанные волосы смотрятся довольно жалко. Времени еле хватило душ принять, что уж говорить об

одежде. Он смотрит на меня оценивающе, от чего стыд уже окрасил щеки румянцем.

- Нет. Выйти хотела, а тут вы с целым батальоном охранников, куда уж мне пробиться.

Он равнодушно улыбается, не отводя глаз и засунув руки в карманы брюк.

- Как обычно, полны дружелюбия, Вероника. А что же ваш парень вас не проводил?

Не забыл, ты смотри-ка, несмотря на огромное количество выпитого, все-таки запомнил вчерашний вечер. А ответить мне и нечего. В данную минуту я не хочу быть с ним рядом, пытаюсь достойно выйти из очередной пикировки. Не смотря на столь непродолжительное знакомство, он давит на меня, заставляя обороняться, доминирует и откровенно этим наслаждается. Знаете, бывают такие люди, с которыми даже разговаривать страшно, а нервы натянуты до предела, они как вампиры, тянут вашу жизненную энергию, в то же время, притягивая своим неприкрытым обаянием и сексуальностью. Что же делать? Надо уходить, подальше и как можно быстрее. Я решительным шагом направляюсь к дверям, изо всех заставляя себя не бежать, стараюсь даже не смотреть в его сторону и умоляю проведение пойти мне навстречу, просто дать уйти. Потихоньку прибавляю шаг, а ближе к дверям мчусь куда подальше.

Дождь бьет мне в лицо крупными каплями, но даже это не мешает бежать со всей скоростью, на которую я способ-

на. В голове вертится только одна мысль « лишь бы не гнал-ся следом, лишь бы не гнал-ся следом», а сердце втайне надеется на прямо противоположное. Женская натура загадка даже для нее самой: прогоняем, а хотим чтобы остался, уходим, хотим чтобы вернулся, отказываемся, а внутренний голос умоляет согласиться. Мы вынуждены поступать абсолютно нелогично, лишь только потому, что боимся обжечься, боимся душевной боли, да всего боимся. Вот и я не исключение: голова понимает, что Доминик слишком хорош для меня, в его симпатии, если таковая вообще есть, должен быть подвох, а сердце из груди готово выпрыгнуть - лишь бы он был рядом, лишь бы чувствовать его запах, лишь бы смотреть в эти глаза... Слишком мне знакомо это чувство влюбленности, и огромная пустота, которую оно оставляет, когда все проходит. А заканчивается все обязательно...

Я промокла до нитки, капли стучат о деревянный пол беседки, потихоньку стекая с моих волос, вызывая к жизни до боли знакомые воспоминания. С момента событий прошло уже более 6 месяцев, а мне до сих пор все представляется так, будто это произошло менее часа назад...

Александр Гринн – начинающий музыкант, для друзей просто Алекс, как-то приехал с концертом в наш клуб, от чего, естественно, в восторге была вся женская часть населения Сан-Франциско: о нем говорили буквально на каждом шагу. И представьте себе, этот зеленоглазый красавчик, из многочисленной толпы поклонниц, обратил внимание на меня:

скромную администраторшу, с открытым ртом взиравшую на него из-за барной стойки. Поначалу все было так романтично: цветы, конфеты, подарки свидания втайне, украденные втихомолку поцелуи, посиделки до утра в парке, опять же так, чтобы никто не увидел. Переспали мы впервые через две недели после знакомства, и это было волшебно, но вся романтика ушла сразу после. Постоянные задержки на работе, командировки и отсутствие звонков. А я влюблена была по уши, и, конечно, как это обычно и бывает, все прощала, чем мой бойфренд пользовался без зазрения совести.

Но спустя три месяца таких отношений мне таки хватило решимости расстаться. Он приехал, он стоял на коленях и плакал, говорил, что любит, что исправится - я растаяла. Нельзя, девушки, нельзя прощать, если головой понимаете, что никуда это не приведет. Сердце в таких случаях плохой советчик, оно только сбивает, заставляя верить в призрачные мечты и надежды, обманывая вас чувствами, затуманивая рассудок. Все закончилось банально, мерзко и жестоко. Я приехала с фестиваля раньше времени и в его номере, куда жаждающее встречи сердце помчало меня прямо с вокзала. Там стояли женские туфли, не мои туфли, валялась одежда, не моя одежда, слышались стоны, не мои стоны... Все остальное как в тумане: крики, ругань, кулаки, кровь. Я сломала ему нос и руку, ей подбила глаз. Он мне сломал два пальца и рассек губу. А между тем на улице накрапывал дождь, заливая все вокруг, в том числе и девушку, идущую в никуда,

еле переставляющую ноги от невыносимого чувства потери и боли, от которой не убежать, не спрятаться, не забыться.

После был месяц самоуничтожения и душевных терзаний. Вроде простое словосочетание - душевные муки, но только их испытывший поймет истинный смысл. Когда ничего нет вокруг, все пустое и бессмысленное, когда в груди ежедневно такое чувство, будто прожигают раскаленной кочергой, когда сон - это лишь обозначение двухчасового лежания с закрытыми глазами. Естественно нервный срыв был неизбежен, но я приходила в себя, частичка за частичкой, песчинка за песчинкой ежедневно становились на место и начинали нормально функционировать. И вот, вроде все наладилось, жизнь заблестела прежними красками, но мистер Доминик Дэвис решил позабавиться и залезть ко мне в душу...

Не знаю, сколько времени прошло, пока я сидела в этом странном ступоре, но Эмили Джонсон на всех парусах мчала ко мне от университета. Рой угрюмо плелся чуть позади и видимо уже успел получить нагоняй от нашей неутомимой матери-наседки.

- Вероника, боже мой, ты вся мокрая, заболеешь же! - Мили с укоризной смотря на меня, плюхнулась рядом на лавку. Она покраснелась, но была очень довольна, видимо сегодня с утра все было куда лучше, чем вчера вечером.

- Не заболею, не переживай. Ты вся светишься. Что случилось?

- Он согласился ответить на мои вопросы, представля-

ешь! Поговорил с ректором и велел передать, что через два часа будет готов к полноценному интервью - Мили от удовольствия аж глаза закатила, а я в напряжении жду той самой фразы, на которую придется ответить отказом. Рой, уже успевший подойти, исподлобья взирал на нашу светящуюся счастьем подругу и, я уверена, в этот момент готов был задушить ее.

- И его брат тоже согласился, Ника! Такой успех. Ты снимешь их сразу после...

- Нет, Эмили - оборвала я ее на полу фразе. Она широко раскрыла от удивления свои большие, небесного цвета глаза и молча переводила их то на Роя, то на меня.

- Но, Ника, ты не понимаешь, это же, это же... Вероника, ты не можешь так со мной поступить! - она решительно сжала губы и гневно сверлит меня взглядом. Но на данный момент хрупкое душевное спокойствие готово дать трещину и вновь затянуть меня в пучину страстей и боли, а посему съемки отходят даже не на второй, а на двадцать второй план.

- Нет, Эмили, я не буду этого делать. Попроси Аманду, или, на худой конец, Пола.

- Ника если это из-за вашей вчерашней перепалки, или встречи в клубе - глупо же...

Я яростно вскочила с места, это уж слишком.

- Эмили Джонсон, сказала нет, значит нет! Это твой проект, в конце концов, ты меня оператором не нанимала. Да,

я готова помочь, но существуют случаи, представь себе, когда имею полное право отказаться. Я не единственный здесь человек с камерой, да и любой сейчас возьмется снять знаменитого Доминика Дэвиса, так что будь любезна, попроси кого-нибудь. Я очень тебя люблю и ценю, ты знаешь, будь добра, хоть раз за нашу дружбу - поставь мои интересы выше своих.

Рой от удивления даже рот открыл, а Мили только хлопает своими глазами непонимающе, очевидно, гадая, с какого перепугу мне вздумалось на нее орать. Да и с какого собственно? Вероника Третьякова давай-ка приходи в себя помаленьку. Воспоминания вкупе с новыми переживаниями до добра не доведут, только глупостей наделаешь, и будешь жалеть себя веки вечные.

- Прости, я на взводе сегодня, плохо спала, да и настроение не очень. Прости. Но помочь не могу, ты уж не обижайся.

Эмили, всё еще потрясенная до глубины души, нерешительно кивнула головой. Что-нибудь выдавить из себя в данный момент она попросту не смогла никогда прежде я ей не отказывала в помощи, а уж тем более вопила во всё горло так, что случайные прохожие с интересом оборачивались, дабы увидеть источник таких бурных эмоций. Рой, всё больше хмурясь, взял меня за руку и решительно потащил в сторону университета.

- Ты простудишься, сидя на ветру - он вполоборота обратился к Мили - ты идешь?

- Нет. Мне надо найти Аманду.

- Хорошо, мы будем в спортзале.

Мы молча пересекли футбольное поле, молча зашли в здание, молча шествуем по коридору. Рой рассержен, а я даже понять не могу на что именно, спросить не решаюсь - такой воинственный вид отбивает все желание.

- Ника - вдруг нарушает молчание мой спутник - ты смотрела вчера в интернете инфу о нашем общем знакомом?

- Нет, не успела, я очень устала. А это так важно?

Рой поджал красивые губы и, как на полную идиотку, взирает на меня с высоты своего роста.

- 15, Вероника, за последние полгода он был замечен с 15-ю разными женщинами.

Нет, я, конечно, знала, что романов у Доминика много - его внешность к этому полностью располагает - но что всё настолько плохо, моё услужливое воображение даже не могло представить. Такое количество дам и только за полгода. «Это только те, с кем пресса успела застать» - подливает масла в огонь мой внутренний голос. Вот и я попала на умопомрачительное обаяние и этот призывающий, откровенно-дерзкий взгляд. Отпираться сейчас, мол, меня это не интересует перед Роем нет никакого смысла - ведь он запросто раскусит все уловки, а слушать и дальше упреки невыносимо. Один день, всего один понадобился мне, чтобы влюбиться в очередную знаменитость, вспомнить все ошибки прошлого, а значит воскресить все свои страхи, которые так упорно за-

гоняла в закрома своего сознания.

- Что ты хочешь услышать, Рой? Врать не буду, а обсуждать это не хочу.

- Ника, что вчера произошло в клубе? Один обаятельный взгляд не мог вывести тебя из равновесия.

Повисла неловкая пауза, язык не поворачивается рассказать о случившемся. Впрочем, это и не понадобилось, повторюсь, Рой слишком хорошо меня знает. Мы молча направились дальше. Нет, он не высказал мне все не потому, что не хочет, а потому что попросту старается избежать обострения ситуации.

Спортзал оказался занят. Угадайте кем? Естественно Дэвисами, ближайшим окружением и студентами, которые фотографируются с ними для прессы - отличники, выдающиеся спортсмены, музыканты - в общем, вся университетская элита. Профессор Гаррисон, который следил за этим фарсом, тщательно стараясь угодить гостям, заметил меня сразу же, а посему Рой даже заикнуться об уходе не успел.

- Вероника, я вас обыскался - он оценивающе оглядел мою, на данный момент, не слишком презентабельную внешность - вы попали под дождь? Какая жалость, фотография с иностранными студентами была бы как раз кстати.

С моим везением чего-то другого ожидать было просто ужасной глупостью. Но на тот момент мне даже в страшном сне не могла присниться фраза, которую произнесут спустя пять минут. Месть - блюдо холодное, как раз это мой мучи-

тель усвоил на отлично.

- Не всем же подготовленными фотографироваться, мистер Гаррисон - улыбка не сходит с красивого лица Коула, а глаза насмешливо окидывают взглядом мою мокрую насквозь одежду - пусть будет снимок с тяжелых студенческих будней.

- Прекрасная идея, мистер Дэвис. Вероника, иди сюда.

И тут я растерялась: ноги приросли к полу, а мозг лихорадочно начал работать. Не согласиться нельзя, итак вчера делов наворотила. Возможно, профессор зачтет все за наказание, но и смеяться над собой позволять тоже нельзя. Как бы ни было унижительно на данный момент, надо с честью выйти из сложившейся ситуации. Я мило улыбнулась Коулу, перевела взгляд на Доминика (от чего сердце упало в ноги) и, набрав воздух в легкие, со всей веселостью, на которую только способна, произнесла:

- Ну а почему бы и нет. Не везде же есть студенты из самой России, местная знаменитость так сказать - я гордо вышагиваю в центр импровизированный студии, продолжая мило улыбаться - ну что, начнем.

Лицо Роя на глазах посветлело, а напряженная поза сменялась на расслабленную, да и присутствующие тихонько хихикнули на мое замечание - в общем обстановка стала куда теплее.

- Да, конечно - Коул тоже изобразил милую улыбку - только надо пару звонков совершить, бизнес, знаете ли, дело хло-

потное. Доминик, начинайте без меня.

Он вновь стоит рядом, приобнимая за талию, от чего мое тело прямо наэлектризовано - любое движение - даже самое крохотное - отзывается очередным разрядом. А хочется большего, хочется прижаться теснее и ощутить себя под защитой этого сильного человека, хочется плюнуть на все страхи и пытаться быть добрее или нет, не то слово, доступнее... Да, доступнее. Не закрываться, пытаюсь показаться сильной и независимой, не контролировать каждый свой вздох и взгляд - просто расслабиться. Но Вероникой Третьяковой отныне правит разум, а он подсказывает держаться на расстоянии. Доминик стоит рядом, пока все эти мысли ро-ем проносятся в моей голове, совершенно собран и спокоен, абсолютно равнодушен ко всему происходящему. Ему что статую обнимать, что меня - разницы нет никакой. Он будет изображать профессиональную улыбочку и дружелюбие. Вот и вся печальная разница между мужчиной и женщиной - я от одного поцелуя забила себе голову настолько, что складывается такое ощущение, будто знаю его уже всю свою сознательную жизнь, а для него это всего лишь очередной жизненный эпизод, не совсем приятный ко всему прочему.

- Ты можешь немного расслабиться, а то я как будто деревяшку обнимаю?

«Что?! Это мне? Это он сказал? Мне показалось?» - за секунду пронеслось в голове. Мои мысли вновь унесли меня из реальности, а между тем она не преминула о себе напомнить.

- Идите, выкупайтесь в бассейне, мистер Дэвис, и потом позируйте. Я уверена, вам будет весьма некомфортно.

Он рассмеялся низким гортанным, заразительным смехом, мгновенно выбив меня из колеи, и вдруг стал похож на мальчишку, невероятно обаятельного и доброго, которого так и хочется потрепать за щеки и смеяться вместе с ним. Меня настолько поразила его реакция, ожидалась-то очередная перепалка, и это мгновенное преобразование, что немного глуповатая улыбка задержалась на лице, но буквально на секундочку, потом вновь вернулась полная равнодушия маска - эмоции такая штука, никогда не поймешь, когда они придутся кстати. Доминик, продолжая улыбаться, правда, уже без прежней теплоты, вернулся в исходную позицию, позируя на камеру.

- Ты когда-нибудь можешь просто ответить? Да, нет, не знаю - просто и понятно.

- Нет. Мама в детстве не научила.

Кажется, перешла черту: робко перевожу взгляд на напарника по несчастью - да. Взгляд стал жестче, а рука, покоившаяся у меня на талии, напряглась и как будто приросла к месту.

Еще минута и фотограф объявляет о необходимости подождать Коула. Доминик хватает меня чуть выше локтя и, наклонившись к уху (тело мое мгновенно ответило на эту неожиданную близость), прошептал: «Ещё хоть раз позволишь себе такое - последствия тебе, мягко говоря, не понра-

вятся». Угроза действовала, потому что страх окутал меня в ту же секунду, но гордость... Из-за нее я все время и попадаю во все неприятные ситуации – «недевчоночья гордость» - как скажет мой отец. Однако рассудок, наконец, подсказал весьма дельную мысль – промолчать, сейчас не та ситуация, где может все сойти с рук, да и словами просто так люди как Доминик не разбрасываются.

Он отошел немного в сторону и с кем-то разговаривает по телефону, что позволяет мне втихомолку его разглядывать. Ну до чего же хорош, никогда прежде мне не приходилось встречать столь красивых и уверенных в себе мужчин. Пуговица пиджака небрежно расстегнута, белая рубашка (несомненно шелковая) сидит превосходно на мускулистой фигуре, рука покоится в кармане синих брюк, но туда я даже смотреть боюсь, если честно. Дом тепло улыбается, его лицо стало мягче, глаза из темно-карих чудесным образом стали медового оттенка - очевидно собеседник очень ему дорог. «Наверняка очередная женщина». Меня аж передернуло от мысли, что кто-то в трубку шепчет ему всякие нежности. Какая-нибудь черноволосая, длинноволосая, грудастая мадам, к которой он потом поедет напряжение снимать. Гнев во мне буквально бурлит, заставляя сжать кулаки и изо всех сил сдерживать поток нецензурных слов, которые я с удовольствием обрушила бы на кого угодно, лишь бы успокоилась эта проклятая ревность. И тут вдруг осознаю, что я не подглядываю украдкой, а откровенно глазею на нашу звез-

ду, при чем он так же, с усмешкой, смотрит прямо в глаза. Взгляд медленно скользит сначала по моим губам, которые, готова поклясться, сейчас ощущают вкус вчерашнего поцелуя, потом останавливается на обнаженной шее, спускаются чуть ниже, где под промокшей одеждой вздымается от учащенного дыхания грудь, а дальше все ниже и ниже, оставляя за собой огненный след. Мне даже стоять сейчас тяжело, что уж говорить о попытках отвернуться и сохранить остатки самообладания. Но вдруг эти карие глаза стали жесткими и ледяными, фигура напряглась и немного подалась вперед, а мне на голову будто вылили ушат холодной воды. Я ощущаю на талии чьи-то заботливые руки, которые все теснее прижимают к чужому телу. Да что происходит?

- Соскучилась, малышка?

Рой! Я и думать про него забыла! Как же не вовремя! Или вовремя...

- Конечно! - изображаю улыбку безумно влюбленной девушки - Где ты был?

Он что-то ответил, но я не обратила внимания, ибо Доминик с каменным выражением лица направляется в нашу сторону с намерениями, как минимум, недобрыми. Однако, даже не взглянув, прошествовал мимо, шепнул что-то брату и удалился - ни слова, ни кивка, ни усмешки - ничего. Сердце болезненно сжалось, ясно давая понять, что бравада ни к чему в общем-то - Доминик Дэвис уже что-то для меня значит. Все стало неинтересным, разговоры ненужными и мое

нахождение здесь бессмысленным, но я стою, изображая на лице облегчение и улыбку, пытаюсь, впрочем, как всегда безуспешно, одурачить Роя. Благо хоть другие ничего не замечают, а то косые взгляды и перешептывания стали бы моими постоянными спутниками.

Глава 6

Две недели... Я не хожу на семинары Коула, прячусь от лобой машины, подъезжающей к университету или моему дому, вздрагиваю при каждом прибытии в клуб вип-клиентов вот уже две недели. Есть что-то аномальное в моей неожиданной симпатии к Доминику Дэвису: ненормально так зависеть от человека спустя день после знакомства, хотеть видеть его каждую минуту, хотеть чувствовать это головокружение от его близости... Нет, определенно это нездорово, вот почему я стараюсь вот уже две недели не попадаться ему на глаза и себя оградить от переживаний.

- Привет, Ник.

Эмили только вернулась как раз с очередной лекции Дэвисов, уставшая, но очень довольная. Она таки сумела взять себя в руки и провести нормальное интервью с Коулом: он был приветлив, с удовольствием отвечал на все вопросы, в конце даже извинился за свое «неуместное поведение». Я, конечно же, была очень за нее рада, хотя и не понимала его неожиданную смену настроения, но между нами с того раза выросла стена недопонимания и невысказанных претензий,

в основном со стороны соседки. Мили впервые заговорила со мной после того раза: обычно именно я прилагала усилия, чтобы хоть как-то растопить лед.

- Привет.

- Ты перестала ходить, мистер Гаррисон велел узнать почему, нам же экзамен сдавать.

- Ему интересно - пусть сам узнает.

Да, я немного обижена. В конце концов, ничего приступного ровным счетом не совершила. Да, отказала, но имею право, это же мое личное дело снимать кого-то или нет, никому ничего не обещала.

- Ник, извини. Я была не права.

- Все хорошо. Ухожу на танцы, вернусь поздно.

Буквально выбежав из квартиры, я угрюмо поплелась в сторону фитнес клуба. Танцы - моя жизнь, моя разрядка. Увлекаюсь ими буквально с пеленок: так хорошо после трудного дня окунуться в удивительный мир, построенный на движениях, музыке и бешеном ритме. Здорово отвлекает от ненужных мыслей. Зал оказался почти пуст, что не может не радовать: не придется искать местечко где-нибудь в углу, чтобы скрываться от любопытных глаз. Моя мама все время твердит, что с таким талантом необходимо пробоваться в танцевальные коллективы, участвовать в разного рода соревнованиях и фестивалях, но меня от одной мысли начинает трясти. Я абсолютно не лукавлю и открыто признаю, что способность к танцам, какая-то особая предрасположенность,

есть, но выставлять себя напоказ, нет уж, увольте. Лучше раза три в неделю оторваться как следует, и чувствовать себя при этом комфортно, а не дрожать от волнения где-нибудь в закулисье.

Спустя, может быть часа три, уставшая, но довольная я бреду в сторону своего любимого кафе. Оно в паре кварталов отсюда - очень уютное местечко: столик, где можно скрыться от чужих любопытных глаз, вид из окна просто потрясающий, горячий капучино и пара вкусных черничных маффинов, других таких же в этом городе найти невозможно. Много влюбленных парочек, которые не могут налюбоваться друг другом и всем вокруг поднимают настроение своим воркованием. Себя в аналогичной ситуации я представить не могу: что буду вот так же беззаботно о чем-то болтать с человеком, забыв обо всем на свете - но очень люблю наблюдать за всем этим, потому люди в такие моменты по-настоящему счастливы.

В предвкушение прекрасного завершения вечера буквально мчу к заветному месту, как вдруг мое внимание привлекает парочка молодых людей, атлетично сложенных молодых людей, которые о чем-то громко спорят, а чуть дальше, вжавшись в стену, еле живая от страха стоит девушка, на вид не больше 15. Она испуганно озирается по сторонам, очевидно гадая как лучше ускользнуть, при этом худое тело дрожит с такой силой, что мне кажется, вибрация идет до конца улицы. Одежда на ней вся порвана или изрезана,

никак не могу разобрать, а огромные зеленые глаза припухли от слез, которые и сейчас блестят, стоит только присмотреться. Я замедляю шаг - до боли знакомая сцена загнанного зверька. Парни на сильно повышенных тонах выясняют отношения, привлекая внимание, как прохожих, так и жителей близлежащих домов: один явно пьян и активно наступает, давая понять, что намерения его прозрачны - драки не миновать. Но вот что никак не вяжется - девушке не более 15 точно, им лет по 25-26, при чем тут она? Чего она так боится? Между тем буян переходит к активным действиям и дает волю кулакам, другой же молодчик драться не умеет точно: он просто поднял вверх руки, пытаясь хоть каким-нибудь образом защититься, но мощные удары почти сразу попадают в цель, и тот падает без сознания на землю. Девушка, уличив момент, рванула в сторону - но не тут-то было, наш подвыпивший активист реагирует моментально, схватив ее за волосы, от чего, та, не устояв на ногах, со всего размаху шлепается на асфальт.

- Куда собралась, сука? Я с тобой еще не закончил. А братишка-то подвел, а? Слизняк!

Он орет ей это в лицо, бедная испуганная девочка, лежит, распростершись на асфальте, не в силах даже заплакать от страха. Между тем мимо ходят люди: мужчины, женщины, парни - внимания же никакого, как будто перед ними не избиение девушки, а обычная будничная сцена милой ссоры двух влюбленных. Я осторожнодвигаюсь в их сторону, на-

деясь, что он успокоится и уйдет. Но не тут-то было.

- Что молчишь, шалава малолетняя? Вздумала отказать мне? Уйти к своему козлу? Я сказал - ты моя, буду делать с тобой, что вздумается, поняла? Сука!

Она вся в слезах. Пытаясь освободиться от таких мощных тисков, приподнимается, чем естественно раздражает его еще больше. Буян толкает ее обратно - бедняжка больно ударяется головой об асфальт. Больше я молчать не в состоянии, осознавая риск, и то, что могу вообще уехать отсюда на скорой, подхожу еще ближе.

- Отпусти ее.

Пропитый злой взгляд устремляется на меня и молодой человек медленно, угрожающе двинулся навстречу.

- Иди куда шла, овца. И нечего лезть не в свое дело, а то, как бы не получила.

Он крепко сложен, мощная спина, огромные кулаки, ростом на две головы выше меня, к тому же я ошиблась в расчетах - не просто выпивший, а пьяный в стельку, совершенно не соображает, что творит.

- Как же я уйду? Не оставлять же беднягу тебе на растерзанье. Иди-ка лучше ты, пропись.

- Ах ты тварь...

Все произошло очень быстро: парень метнулся с невероятной скоростью, еле успела увернуться и отбежать. Он не растерялся и шагнул в мою сторону, размахивая своими кулачищами: ухожу от удара при этом бью его прямым в че-

люсть, опять ухожу, но не совсем удачно - попадает вскользь, чувствую вкус крови - губу рассек. А потом мозг отключается, как и всегда, когда я очень зла и уже сама не соображаю, что творю. Кидаюсь на амбразуру, нанося удары в голову и торс, чувствую ответную боль, но не понимаю где именно. Силища у противника невероятная, прекрасно контролирует тело даже в пьяном состоянии, видимо занимается боевыми искусствами профессионально. Уличаю момент и бью в самое уязвимое место, от чего он, конечно, сгибается пополам, правым хуком в челюсть - наш буян валится на землю, а я разъяренная сажусь сверху и продолжаю молотить его по чем придется. Он защищается, выжидает и вдруг бум... Прямой в лицо - звезды перед глазами, кровь мощным потоком хлынула из носа, боль ошарашила меня и вывела из равновесия. Я не в силах подняться, парень же двигает в мою сторону с намерениями добить жертву, жмурюсь, готовясь принять удар. Проходит 5 секунд, десять, пятнадцать - ничего. Слышу какую-то возню, пьяные крики: «какого хрена, ты кто такой вообще» - глухой звук удара и упавшего наземь тучного тела. Открываю глаза...

Доминик стоит, потирая кулак, с совершенно непроницаемым выражением лица, парень в обмороке валяется у его ног. Откуда он тут взялся? Когда успел и приехать и как давно следит за всем эти фарсом? От боли я не могу пошевелиться, почти ничего не вижу, так как кровь даже не думает останавливаться. Глухо постанывая, перекатываюсь на бок,

чем привлекаю внимание всех, кроме главного действующего лица. Доминик как ни в чем не бывало, начинает раздавать распоряжения подчиненным, которые до сего момента стояли в сторонке по его приказу, видимо, и молча наблюдали развернувшуюся драму.

- Картер, девушку отвези в больницу, этого тоже, только предварительно руки свяжи, там вызовите полицию.

- Будет сделано, мистер Дэвис. А с мисс Третьяковой что делать?

Холодные черные глаза смотрят в мою сторону. Господи Боже, его прямо трясет от ярости.

- Я сам с ней разберусь, выполнять.

Он идет ко мне, злой как черт и ...прекрасный. В синем теплом свитере, черных джинсах и конверсах. Прямо супергерой, мой супергерой... Тьфу ты, опять. Доминик наклоняется и легко, словно пушинку, поднимает меня с асфальта, не обращая внимания ни на то, что я вскрикнула от боли, ни на мои слабые попытки сопротивления.

- Лучше успокойся, Вероника – произносит он яростно - а то клянусь всем святым, я не знаю, что с тобой сделаю.

Дом так крепко сжал мое многострадальное тело, что даже просто шевельнуться не представляется возможным. А ну и черт с ним, пусть что хочет, то и делает - не до препирательств сейчас.

Мы садимся в шикарную машину, бмв, по-моему, и герой аккуратно опускает меня на просторное заднее сиденье и сам

садится рядом, протягивая платок.

- Вытрись, ты вся в крови.

- Спасибо - выдавливаю я из себя - за все.

Молчит, даже не посмотрел на меня. Мы мчим, скорее всего, в больницу, но уточнить, честно говоря, страшновато. Доминик уставился в окно, сжав кулаки и отказываясь хотя бы словом перемолвиться. Мне очень больно, ломит все тело, хочется тепла и поддержки, ну или хотя бы на худой конец понимания, а тут, видите ли, сердится.

- Я могу сама до больницы добраться, мистер Дэвис. Высадите меня, пожалуйста.

Лучше бы молчала честное слово. Медленно красивое, но жесткое лицо Дома поворачивается в мою сторону, с угрожающе-убийственным блеском в темно-карих глазах, он наклоняется, как бы нависая и на секунду я поверила, что сейчас ударит, такую злость излучает его мощное тело.

- Высадить тебя? - тихо произносит Доминик, слишком тихо - Высадить, чтоб ты сама добралась до больницы? - голос обретает силу - Совсем из ума выжила, Третьякова? - он закрыл глаза, пытаясь сдержать рвущийся на свободу гнев.

- Ты дура, скажи мне? Ты за каким хреном на него полезла? Мания самоубийства что ли? Да этот идиот добил бы тебя, не моргнув глазом, тупая твоя голова! Защитница, мать твою, нашлась!

Он орет на меня на всю машину, даже водитель удивленно начал поглядывать в зеркало. А я вжалась в кресло, стараясь

оказаться как можно незаметнее, слезы подкатывают к глазам, но сдерживаюсь из последних сил. А между тем Доминик продолжал отчитывать меня так, что мне казалось, будто нас слышно на другом конце света. Как его успокоить? Начну препираться – разозлю еще больше. Тогда остается только один выход.

- Доминик - он от такого обращения оборвал свою тираду на полу фразе, а я продолжаю самым ласковым голосом, на который способна - не кричи на меня, пожалуйста. Ты прав, сглупила, но мне итак очень больно, нет сил, слушать нотации. Прости меня, но не кричи, очень тебя прошу.

Карие глаза смотрят удивленно и гнев в них понемногу начал угасать. Он с минуту посидел, приходя в себя от столь неожиданного поворота событий, а потом протянул руку и легонько коснулся разбитой губы. От прикосновения в теле разлилось приятное тепло и тут, совершенно неожиданно для себя, я ощутила полную безопасность. Этот мужчина защитит меня, можно ничего не бояться, можно просто расслабиться.

- Как же тебя угораздило, детка...

Столь интимное обращение больше не нервирует, а очень даже наоборот - сердце подпрыгнуло в груди и начало усиленно стучать, как бы говоря «не бойся, действуй». И я послушала, впервые за последние полгода: пододвинулась к Доминику и положила голову на мускулистую грудь, вдыхая запах одеколona, такой дурманящий и приятный. Он немного

опешил, но через секунду обнял меня и крепче прижал к себе. Боже, я бы сидела так вечно: рука ласково поглаживает плечи, что даже через одежду обжигает кожу и заставляет мое тело просыпаться от долгого сна. Все: от волос до пальцев, жаждет его прикосновений, а губы, несмотря на боль, горят, ожидая поцелуя.

- Ника, зачем ты полезла? - голос звучит спокойно и расслаблено, ему и вправду интересно знать.

- Он бил ее.

- Многие просто мимо проходили. А ты девушка, даже не позвав на помощь, кинулась на такого громилу. Почему?

Я насупилась и молчу, не в силах озвучить историю детства, с последствиями которой даже опытные психологи не в силах справиться.

- Ладно, оставим этот разговор на потом. Отдыхай, малышка.

Не помню, как мы доехали до больницы, не помню, как попала в палату, но сейчас лежу с лангетой на носу, похоже все-таки сломал его тот придуток, на губе пластырь, рука перевязана. Почему-то я здесь одна, напротив висит плазма, по которой очень миленькая блондинка озвучивает последние новости, рядом на столе поднос с едой - видимо ожидали скорого пробуждения, она еще остыть не успела - да и в целом обстановка не обыкновенной среднестатистической больницы, а самой, что ни на есть, частной дорогостоящей

клиники. Попытка пошевелиться вызвала протест во всем теле, начиная от ребер, заканчивая разбитыми коленями.

- Я бы на твоём месте не двигался.

Доминик появился в дверях моей вип-комнаты, с каким-то пакетом в руках, судя по названию из аптеки. Он поставил его на столик, где по-прежнему дымился суп и аккуратно, стараясь ничего не задеть, присел ко мне на кровать. Успел переодеться: вместо свитера рубашка, чёрный пиджак, под цвет глаз и джинсы – значит, в отключке я была, как минимум, всю ночь.

- Сколько времени? - еле, еле ворочаю языком.

- Три часа дня, и предупреждая следующий вопрос, скажу, что без сознания ты была два дня.

Что? Сколько? Господи Боже, Эмили там с ума сойдёт, а мама с папой так просто в панику ударятся. Я удивленно смотрю в прекрасное лицо, не в силах даже слова произнести.

- Не переживай, все предупреждены, что с тобой все хорошо, хотя поволновались они изрядно.

Я собралась с силами и кое-как из себя выдавила:

- А почему так долго?

Доминик внимательно посмотрел на меня пронизательными темными глазами, в которых сейчас светилось беспокойство и гнев одновременно.

- Потому что - начал он ледяным тоном - что помимо очевидных травм у тебя открылось внутреннее кровотечение,

Вероника.

Не скажу, что новость так уж сильно удивила, ведь вступая в драку с таким громилой, я полностью отдавала себе отчет в возможных последствиях, но теперь восстановительный период займет не одну неделю и даже не две, а значит никаких серьезных нагрузок. Зато девушка в безопасности. Ой! А в безопасности ли?

- А что с девушкой?

Он миг помрачнел и задумался, решая видимо рассказать мне или нет. Значит, не все хорошо и бедняжка пострадала куда серьезнее, чем я могла себе представить.

- Ну?

- Она в больнице, в себя еще не приходила - он тяжело вздохнул - у нее очень серьезные повреждения, Ника. К тому времени, как ты подросла, этот ублюдок уже успел сильно ее избить, потом его отвлек брат. Травма головы от удара об асфальт и сломано запястье - он крепко поиздевался над бедняжкой.

От ужаса я даже не могу слова вымолвить в ответ: что могло так спровоцировать? Чем она все это заслужила? Хотя мне ли не знать, что порой просто внешний вид может сподвигнуть человека на агрессию и доставить существенные неприятности его обладателю.

- Мне можно ее увидеть?

Доминик удивленно вскинул бровь:

- Нет. Да и зачем? Чем ты можешь ей помочь?

Пришел мой черед удивляться.

- Зачем? Странный ты такой. Я как бы сейчас перебинтована с ног до головы только потому, что ей пыталась помочь.

- Послушай, Вероника...

Но фразы, какой бы смысл он ни хотел в нее вложить, закончить не удалось: на пороге палаты возникла фигура сногсшибательной молодой брюнетки, смутно мне знакомой. Она, широко улыбаясь, подошла к застывшему от неожиданности Доминику, держа в руках пакет с разного рода фруктами и, подвинув стул, уселась напротив. Где же я ее видела? Карие глаза, выгодно подчеркнутые черной подводкой, прямой аристократичный нос, пухлые губы и темные длинные волосы. Она сидит прямо, аккуратно сложив ухоженные руки с идеальным маникюром на коленях, и, продолжая улыбаться, переводит взгляд с меня, на Доминика, который до сих пор не оправился от потрясения.

- Дорогой, надеюсь, ты не против. Не могла же я сидеть в машине, когда тут такое происходит.

Дорогой?! Вспомнила! Это она с ним была в клубе, ее он обнимал и целовал прямо на моих глазах, с ней после остался на ночь. И сейчас эта размазанная барышня, как ни в чем не бывало, сидит и влюбленный взглядом разглядывает мужчину, которого я... Который мне очень нравится. Вот так поворот. Взгляд Доминика постепенно разгорается от ярости, видимо сюрприз пришелся ему не по духу, однако гостью это ничуть не смутило, она обратила внимание на меня

и полным сочувствия голосом, которое даже не задело глаз, произносит:

- Какой ужас пережить такое, Ника, я искренне за вас переживаю. Ах да, простите за бестактность, меня зовут Джулия, Джулия Смит. Я как узнала, что близкая подруга детства Дома попала в больницу, чуть не умерла от волнения.

Эта невинная фраза произвела такой оглушительный эффект, что взрыв атомной бомбы по сравнению с ней просто детские игрушки. Подруга детства! Я его подруга детства! Наш мачо, решив не заморачиваться объяснениями и выяснениями отношений, приписал меня к своим подружкам. Сколько у него таких интересно? Штук двести, не меньше. Вот сволочь! Я посмотрела на новоиспеченного «друга», который буравит злобным взглядом свою очередную, и сердце сжалось от боли. Почему он такой умопомрачительно красивый, почему меня тянет к нему, как мотылька к огню? В его присутствии даже дышать трудно, а сердце так бешено стучит, что, кажется, будто выскочит из груди. Вот дура! Вообразила, что он пришел, потому что я ему небезразлична, а он и не думал обо мне как о женщине, ни капельки, просто дежурная забота. Надо сохранить хотя бы остатки гордости - мило улыбаюсь, насколько возможно в моем состоянии.

- Спасибо, Джулия. Мой дорогой друг всегда так заботится обо мне, цены ему нет - Доминик сейчас сверлит взглядом уже мое синее от ударов лицо - но вы извините, мне хочется немного отдохнуть, вам уже пора.

- Нет, мы с тобой не договорили - он явно напряжен и немного озадачен.

- Мистер... Ой, то есть, Доминик, я сказала, хочу отдохнуть, а ты мне мешаешь. Будь добр, возьми Джулию и идите вдвоем... к машине. Завтра же еще увидимся.

С минуту черные, как грозовое небо, глаза буравили меня, пытаюсь видимо прожечь насквозь, но, в конце концов, он встал и, ни слова не сказав на прощание, вышел. Джулия, немного выбитая из колея таким поведением суженого, изящно соскользнула со стула и обернувшись в дверях быстро кинула:

- Выздоровливайте.

- Всенепременно - последовал ответ.

И вот я снова одна в шикарной палате, оплачиваемой, скорее всего, из кармана дорогого друга. Надо отсюда выбираться, не хватало еще, чтобы этот лживый благодетель платил свои денежки за мое лечение. Превозмогая боль, которая, кстати, усиливается с каждым движением, потихоньку одеваюсь и встаю на нетвердые ноги.

- Мисс - в ужасе вскрикивает миниатюрная рыженькая медсестра в коридоре - вы куда собрались? Вам же нельзя вставать!

- Домой.

- Вам нельзя! - она в панике и совершенно не понимает, что делать - Что я мистеру Дэвису скажу?

- Чтобы шел куда подальше.

Глава 7

- Господи, Ника! Ты что здесь делаешь? Ты должна быть в больнице!

Я, еле-еле переставляя ноги, добралась до дивана и рухнула на него, жмурясь от невыносимой боли. До врача, обычного бюджетного, самой добраться мне не удалось, так как даже 100 метров ходьбы так отдавали во всем теле, что хотелось просто лечь на асфальт и ждать, пока сами увезут.

- Вероника, что происходит?

- Отвези меня в больницу, Эмили, сама я даже такси ловила целый час. Моя страховка в сумке, бери и поехали.

- Конечно. Но почему ты не в клинике? Как это мистер Девис тебя отпустил?

Вон оно как, значит, наша звездная задница уже дал понять всем и каждому, что именно он тот самый рыцарь, который вытащил простолюдинку из лап свирепого дракона и отвез к врачу, дабы узреть плоды своего вмешательства.

- Что значит отпустил? Я никого и не спрашивала. Эти апартаменты мне не по карману, вот и все. Эмили, мне очень больно.

- Да, да - сразу забыв обо всем, засуетилась подружка - только ключи и ... Господи Боже!

Оглушительный стук в дверь напугал ее до полусмерти, да и мне как-то не по себе стало. А между тем кто-то очень настойчивый молотил с такой силой, что весь дом ходил хо-

дуном.

- Ника, что делать? - от страха Мили даже запищала.

- Открой. Я догадываюсь, кто это может быть.

Она с нескрываемым ужасом поплелась в коридор, дрожа при каждом ударе в нашу хлипкую дверь. А стоящий за ней Доминик, а это был, конечно, он, даже на секунду не сомневалась, влетел в квартиру как буран, оттолкнув бедную Эмили к журнальному столику. Лев был в таком бешенстве, что даже личная охрана держалась на безопасном расстоянии, давая выплеснуть накопившуюся ярость. Он сразу заметил тело на диване и глаза сверкнули неприкрытым желанием хорошенько мне врезать. Честно говоря, я думаю, что если бы на мне было хоть одно живое место, он бы так и сделал

- Ты что вытворяешь? - Доминик начал голосом мягким - затишье перед бурей.

- Мистер Дэвис, по какому праву вы вламываетесь в мою квартиру и учиняете разборки?

Я трясусь от страха, честное слово, но язык живет отдельной жизнью, контроля над ним у мозга нет, да к тому же гордость подстегивает сцепиться, не смотря на то, что от боли уже начинает мутить и комната плывет перед глазами. Доминик же замер на месте, как громом пораженный - посмела ведь еще и рот открыть.

- Может на правах моего близкого друга? - наконец-то этот вопрос прозвучал, он еще с клиники вертелся на языке.

Карие глаза почернели от гнева, сильные руки сжались в кулаки. Он тяжело дышит от невыносимого желания хорошенько меня проучить за такой язвительный и неугомонный характер.

- Я перед тобой отчитываться должен? Ты мне может жена? Ты просто девочка с раздутым самомнением, которая думает, что от чего-то все должны вокруг плясать и кланяться.

- Да что вы говорите, мистер Дэвис. Просто девочка? Тогда нечего вам, взрослому, вроде как умному мужчине здесь делать! Забирайте свою свиту и катитесь ко всем чертям!

Так далеко я не заходила никогда в своей жизни: вот так орать, заведомо зная, что противник сильнее, хитрее и ловчее - глупее ничего нельзя и придумать. Однако сил даже на ругань у меня больше не осталось, а боль уже застилала глаза пеленой - все закрутилось, завертелось и ноги подкосились. Сознание, слава Богу, меня не покинуло, но в данный момент я нахожусь на его грани. Всю жизнь вот так: помятая, побитая, униженная... Редкие счастливые просветы не могут исправить того, что ежесекундно я вынуждена от кого-то обороняться. Не было и дня без напряжения и агрессии в мою сторону, ни дня без, даже легких, уколов со стороны окружающих, ни дня без самобичевания и страданий. Психологи называют это депрессией, я же - жизнью... И сейчас, сидя у ног сильного человека, который даже не воспринимает меня как взрослую личность, не хочу даже дальше ругаться - силы и физические, и моральные оставили меня.

Что-то капает на ладони, течет по щекам и застилает пленой глаза, что-то мокрое и соленое, что-то, от чего поне-многу становится легче, как будто все страдания выливаются наружу.

- Бог мой! - Эмили от удивления не могла сдвинуться с места - Она плачет!

Доминик непонимающе взглянул на красивую брюнетку, которая не сводила глаз ошарашенного взгляда с подруги, а потом покосился на меня, сидящую у его ног и взхлеб рыдающую от непонятного ему горя.

- Что такого удивительного в том, что человек плачет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.